
Часть III

ПУТЬ В ДИКТАТОРЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ РОССИИ

Глава 9

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РОССИИ.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ — КЕРЕНСКИЙ И САВИНКОВ

Генеральская карьера Лавра Георгиевича Корнилова была ошеломляюще быстрой, если не исключительной для русской армии времени Первой мировой войны. Два Верховных главнокомандующих России (великий князь Николай Николаевич-младший в счет не шел, поскольку был родом из Романо-

вых) — генерал от инфантерии М.В. Алексеев и генерал от кавалерии А.А. Брусиллов — поднимались до своих высот в полководческих биографиях заметно медленнее. Для Корнилова в его послужном списке «звездным часом» стал революционный 1917 год.

В конце лета того года состояние дел на Русском фронте стало лишь зеркальным отражением всего того, что творилось в тылу, в самой России, в столичном Петрограде. Либерально-демократическое правительство во главе с министром-председателем А.Ф. Керенским (бывшим трудовиком, называвшим себя теперь социалистом-революционером, т.е. эсером) зашло в тупик, тщетно ища и не находя выхода из него. Многие министры из «временных» все явственнее осознавали, что «держат руль мертвыми руками».

Правящие круги и армейское офицерство понимали необходимость поиска сильной личности, способной навести должный порядок, стабилизировать фронт, спасти русскую армию от развала.

Именно поэтому Керенский решил сменить Верховного главнокомандующего, действительно ключевую фигуру в русской армии. На эту мысль его, скорее всего, навели правительственные политические комиссары на фронте Б.В. Савинков и М.М. Филоненко. Они в один голос утверждали.

«Генерал Корнилов заслужил доверие российского офицерства, особенно фронтового, и честно защищает завоевания революции. Он стремится также к примирению офицерского корпуса с Временным правительством. Его правильно направленная энергия и организаторский талант должны послужить республиканской России не завтра, а сегодня.

Завтра, господин министр-председатель, может быть реально поздно...»

Генерал от кавалерии Брусиллов уже не устраивал Керенского и его кабинет «временных» министров на посту главы Ставки. Он не смог ни стабилизировать фронт, ни ответить на настойчивые требования союзников по Антанте победными наступательными операциями. Да и к тому же его репутация в офицерском корпусе русской армии сильно пострадала из-за почтительного отношения к солдатским комитетам.

Решение о назначении Лавра Георгиевича Корнилова Верховным главнокомандующим России Временное правительство приняло в 2.00 19 июля. О том была послана телеграмма в Могилев на имя А.А. Брусилова с копией Корнилову:

«Временное правительство постановило назначить вас в распоряжение Временного правительства. Вам надлежит, не ожидая прибытия генерала Корнилова, сдать временное командование наштаверху. О времени выезда прошу телеграфировать. № 5808.

Министр-председатель,
военный и морской министр
Керенский».

Для той действительно кризисной ситуации именно кандидатура генерала Корнилова больше всего подходила для роли Верховного главнокомандующего России. Пусть даже на какое-то короткое время. В своих воспоминаниях Б.С. Станкевич писал о нем:

«Смелый в бою, честный в долге, правдивый в жизни и еще десяток подобных эпитетов: так говорили и так воспринимали его все. Все эти качества в их гармоничном сочетании, соединенные с серьезностью и даже некоторой торжественностью его духовного склада, придавали ему обаяние и непререкаемый личный авторитет, привлекали всеобщее внимание и доверие».

С предложением занять высший пост в русской армии генерал Корнилов согласился не сразу. Его тревожило то, что Временное правительство то ли с каким-то тайным умыслом, то ли просто по государственному недомыслию лишило главу могилевской Ставки части его полномочий. Поэтому Корнилов решил проверить, действительно ли Керенский и его кабинет министров решили восстановить круг полномочий главнокомандующего.

Из фронтового штаба в Бердичеве в Петроград идет телеграмма за подписью Корнилова довольно необычного содержания. В ней он излагает правительству свои условия, на которых он готов занять пост Верховного главнокомандующего:

«1. Ответственность перед собственной совестью и всем народом.

2. Полное невмешательство в мои оперативные распоряжения и потому в назначения высшего командного состава.

3. Распространение принятых за последнее время на фронте мер и на те местности тыла, где расположены пополнения для армии...»

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что новый Верховный главнокомандующий России хочет отвечать за свои действия не перед правительством, которое его назначает главой Ставки, а «...перед собственной совестью и всем народом».

Как писал в своих воспоминаниях А.И. Деникин, между строками корниловской телеграммы легко читался один немаловажный вопрос. Из фронтового штаба спрашивали, кто фактически глава воюющего государства — Верховный главнокомандующий в Ставке, которая ему подчинялась, или Временное правительство в столице, которая «временным» уже давно не подчинялась?

Министр-председатель Керенский, в недавнем прошлом блестящий адвокат, послал в Бердичев для переговоров другого не менее известного и умелого адвоката — политического комиссара поручика броневых автомобильных сил Филоненко. И тот нашел выход из конституционного затруднения, сняв в личной беседе с главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта «все проблемы».

Филоненко говорил с генералом Корниловым, которого он хорошо знал, предельно откровенно. Время торопило и того, и другого, поэтому обоим было не до «военных хитростей и дипломатических уловок».

«Я заявил генералу Корнилову, что его требование об ответственности перед народом и совестью может вызвать самые серьезные опасения, но что, насколько мне его точка зрения известна, я полагаю, он разумеет под ответственностью перед народом ответственность перед его единственным полномочным органом — Временным правительством. Генерал Корнилов подтвердил понимание им своей ответственности именно в этом смысле».

По второму пункту корниловской телеграммы тоже была достигнута взаимная договоренность. Глава Ставки получал право назначения высших военачальников, а Временное правительство оставляло за собой «право контроля этих назначений».

Что же касается третьего пункта требований Корнилова, перенести законы военного времени с фронта на его тылы, то есть на резервные войска, то Филоненко сказал, что такое предложение генерала в Петербурге встречено с пониманием и даже сочувственно. Но правительство намерено вместе со Ставкой выработать «законность» таких хирургических мер оздоровления ближнего и дальнего фронтового тыла.

В заключение правительственный политический комиссар сказал Корнилову, что его новое назначение сейчас крайне желательно. И объяснил почему: сегодня на генерала-фронтовика многие в России смотрят как на народного вождя. И кому, как не ему, стать еще и военным вождем россиян.

Назначение Корнилова Верховным главнокомандующим состоялось 19 июля 1917 года. Это был уже пятый глава Ставки за три года войны. До него в Могилеве торжественно встречали и менее торжественно провожали генерала от инфантерии великого князя Николая Николаевича-младшего, полковника императора Николая II Романова, генерала от инфантерии Алексея и генерала от кавалерии Брусилова.

3 августа Верховный главнокомандующий Л.Г. Корнилов встретился в Зимнем дворце с Керенским. Новый глава российского правительства разместил во дворце свой штаб, продемонстрировав при этом личную нескромность и отсутствие «революционного такта». Александр Федорович принял гостя весьма благосклонно, стараясь придать разговору доверительный характер.

Керенский среди первых вопросов задал Корнилову и такой, из разряда «щекотливых»: не считает ли генерал, что его, Керенского, время уже миновало, что его влияние на массы ослабевает и что ему лучше было бы уйти с политической арены?

В своей хорошо известной солдатской манере Корнилов ответил министру-председателю прямо. Верно, популярность Керенского в последнее время несколько пострадала, но она тем

не менее еще достаточно, чтобы он мог с пользой продолжать служить Отечеству.

Генерал передал министру-председателю доклад, в котором излагал первостепенные законодательные меры, выполнение которых он считал незамедлительным. Керенский пробежал доклад мельком. На этом встреча в Зимнем дворце закончилась.

Затем Корнилов имел встречу с новым заместителем военного министра Борисом Савинковым. Генерал попросил его и комиссара М.М.Филоненко подработать привезенный им в столицу доклад, на что получил согласие.

Личная встреча с Керенским оставила у Корнилова двойное чувство. Он понял одно: в Петрограде он не встретил полного взаимопонимания. Проведя в столице всего один день, генерал возвратился в прифронтовой Могилев.

Требования Корнилова, изложенные в его телеграмме на имя Временного правительства, не стали секретом ни для правой, ни для левой прессы. Об этом позаботился министр-председатель. Репортеры газет самых разных политических тонов и оттенков в единый день превратились в потревоженный пчелиный улей. И было о чем шуметь на газетных страницах:

Во-первых, генерал требовал от Временного правительства признания вины за унижение, оскорбление, сознательное лишение прав и умаление значимости офицерского состава.

Во-вторых, он требовал передачи в свои руки военного законодательства (!?).

И в-третьих, настаивал на «...изгнании из армии всякой политики, уничтожении права митингов...», отмене «Декларации прав солдата», роспуске войсковых комитетов, начиная с ротных и батареинных, удалении из действующей армии правительственных комиссаров.

Органы печати левых партий — социал-демократов (большевиков и меньшевиков), социалистов-революционеров (эсеров) и других политических течений радикального толка — развернули против генерала Корнилова шумную кампанию. В первополосных газетных материалах впервые замелькали слова: «диктатор», «военная диктатура» и тому подобные эпитеты.

Левая пресса, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, ораторы в Государственной думе стали обвинять только что назначенного Верховного главнокомандующего в диктаторских замашках. Еще бы, ведь он стремился уничтожить «демократию» в русской армии. Синонимом генерала Корнилова стало слово «бонапартизм».

В Могилев с берегов Невы Лавр Георгиевич держал путь через первопрестольную Москву. 13 августа генерала шумно встречали на Александровском (ныне Белорусском. — А.Ш.) вокзале. Приезд Верховного главнокомандующего был обставлен для военного времени торжественно. На перроне выстроился с развернутым знаменем почетный караул от Александровского военного училища. На левом его фланге встала команда девушек-юнкеров. Далее расположились депутации Союза офицеров армии и флота, Союза Георгиевских кавалеров, Союза казачьих войск, Союза воинов, бежавших из плена, 6-й Московской школы прапорщиков, женского ударного батальона смерти.

Сам министр-председатель мог бы позавидовать такому числу встречающих. Среди них были атаман Донского казачьего войска генерал от кавалерии Каледин, московский городской голова Руднев, военачальники Московского военного округа, депутаты Государственной думы, правительственный комиссар в Москве Кишкин, видные промышленники и деятели банковского бизнеса.

Всех (или, вне всякого сомнения, большую часть) встречающих Лавра Георгиевича Корнилова на московском Александровском вокзале объединяло одно. Они не были равнодушны к будущему России.

В Москве в те дни проходило Государственное совещание. На нем дали выступить «первому солдату революции» генералу Корнилову. С трибуны совещания он раскрыл собравшимся содержание своих требований, изложенных им в личном докладе министру-председателю Керенскому. Свою речь Лавр Георгиевич закончил словами:

«Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа и верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей Родины и верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены.

Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

Министр иностранных дел Временного правительства кадет Павел Николаевич Милюков так описывал появление Корнилова в переполненном зале Государственного совещания:

«Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым, пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появился на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только относительно немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: «Хамы! Встаньте». Оттуда неслось презрительное: «Холопы!» Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале».

Милюков будет оказывать всяческую поддержку Корнилову. Выпускник историко-филологического университета, он был оставлен для работы на кафедре русской истории. За «крамольные мысли» был уволен и сослан в Рязань, где участвовал в археологических раскопках. Потом читал лекции в Болгарии, США и Англии. Вернувшись в Россию, стал редактором газеты «Голос».

С 1907 года Милюков — председатель Центрального Комитета партии «Народная свобода» (конституционно-демократической), депутат Государственной думы двух созывов. «Временным» министром иностранных дел был всего неполных три месяца. С 1918 года — член Донского гражданского совета. С 1920 года в эмиграции во Франции. В 1943 году 84-летний Милюков был убит гестапо за отказ сотрудничать с фашистами против Отечества.

...Государственное совещание, проходившее в Москве, отличалось широким представительством и огромным числом участников. Позднее, в советское время, его назовут контрреволюционным. Состав совещания был таков: 488 делегатов представляли Государственную думу всех четырех созывов, 129 — Советы и различные общественные организации, 120 — городские думы, 118 — земства, 150 — торгово-промышленные и финансовые круги, 99 — «научные организации», то есть российскую интеллигенцию, 177 — действующую армию и флот,

тыловые гарнизоны, 24 — духовенство, 58 — различные национальные организации, 100 — крестьянство, 313 — кооперативное движение (кооперация в старой России имела широкое распространение. — А.Ш.), 176 — профсоюзы и так далее. Всего в работе Государственного совещания участвовало 1925 делегатов.

На московском Государственном совещании резко критиковал Временное правительство и Советы, политика которых вела к разрушению русской армии, не только Корнилов. В унисон корниловской речи прозвучало выступление войскового атамана Донского казачьего войска генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина, который потребовал чтобы:

1. Армия должна быть вне политики, митинги, собрания с их партийной борьбой и распрями должны быть полностью запрещены.

- 2: Все Советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу.

3. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5. Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены, вождям армии должна быть предоставлена полная власть.

В Могилеве вернувшегося из Москвы Верховного главнокомандующего ожидали безрадостные известия последних дней. На участке Северного фронта германские войска провели короткое контрнаступление и овладели Ригой и Усть-Двинском. При обороне Риги некоторые части проявили завидные мужество и стойкость (латышские и сибирские стрелки), а некоторые после первых артиллерийских налетов и атак бежали.

Командующий 12-й армией генерал-лейтенант Д.П. Парский вместе с правительственным комиссаром перевозносили в донесениях храбрость своих войск, однако в итоге рижского

контрудара немцев 12-я армия откатилась на Венденскую позицию, потеряв 25 тысяч человек (в том числе 15 тысяч пленными и пропавшими без вести), 273 орудия, 256 пулеметов и 185 бомбометов.

Корнилов потребовал судить командующего 12-й армией и его правительственного комиссара за сдачу Риги, но из этого ничего не вышло. В столице решили не «усложнять нравственную ситуацию» на Северном фронте. В феврале 1918 года Парский вступит в Красную армию, будет руководить обороной Ямбурга и Нарвы от немцев, командовать советским Северным фронтом, состоявшим из двух армий, и, наконец, станет членом Особого совещания при Главкоме РККА. Умрет в Москве от тифа.

Сразу после рижской операции немцев в Ставку стали поступать сведения о подготовке немцами десантной операции. В Либаве и Данциге собирались транспортные суда. Вражеские тральщики приступили к тралению русских минных заграждений в Ирбенском проливе, одновременно немецкие подводные лодки стали выставлять минные поля в северной части Рижского залива. У берегов эстонских островов Даго и Эзель в воздухе появились германские аэропланы, которые вели разведку береговых батарей противника.

В тыловом городе Казани взлетели на воздух пороховой завод (один из крупнейших в России) и огромный военный склад, в котором хранились боеприпасы и оружие, предназначенные для отправки на фронт. Уничтоженными оказались 12 тысяч пулеметов (!) и до одного миллиона артиллерийских снарядов для полевых орудий. Пожар продолжался трое суток. Причиной казанских взрывов потом назовут антивоенный саботаж.

О том, что в тылу не было должного порядка, свидетельствовали еще два подобных случая. В Петрограде, на Малой Охте, пожар, вспыхнувший 11 августа, уничтожил четыре оборонных завода, лишив действующую армию огромных запасов артиллерийских снарядов, разрушив производственные помещения и заводское оборудование. 16 августа в том же Петрограде сгорел огромный завод Вестингауза, изготовлявший для фронта шрапнели и снаряды. Подозревались умышленные поджоги, хотя виновники найдены не были.

Штыками своих же солдат был заколот командир 3-й пехотной дивизии генерал Г.К. Гиршфельд. Убили фронтовика, у которого в результате тяжелого ранения ампутировали обе руки, о чем всем его подчиненным было хорошо известно.

Был убит правительственный политический комиссар 11-й армии Линде, призывавший на митингах «солдат революции» к выполнению боевых приказов. Его убили солдаты одной из частей, отказавшиеся выполнять любые приказы начальства.

На Румынском фронте, самом благополучном из всех пяти, три полка русской пехоты взбунтовались и отказались занять окопы на отведенном для них участке фронта.

Большинство совершаемых подобных преступлений во фронтовых условиях оказывались безнаказанными. Максимальной мерой принуждения взбунтовавшихся воинских частей было их разоружение и распыление личного состава по другим полкам. Но на проведение таких карательных акций «послушных приказу» войск набирали с трудом. Это были или ударные батальоны смерти, или казачьи полки, или юнкерские батальоны военных училищ и школ прапорщиков.

Еще более удручающее впечатление на Лавра Георгиевича произвела сводка сведений о братании на фронте воинов России со своими врагами, прежде всего с германцами. Это было прямым следствием «революционной демократии» и показателем разложения самого духа воюющей русской армии:

«...В районе деревни Антоны (на Свянцанском направлении, участок 137-й дивизии) партия немцев, попытавшаяся вступить с нашими солдатами в разговоры, была разогнана огнем.

10-я армия

На участке Колодено-Стаховцы (к югу от озера Нарочь, район 67-й дивизии, ныне входящей в 3-ю армию) партия немцев дважды выходила из своих окопов с белыми флагами и манила наших солдат к себе руками и шапками; оба раза немцы загонялись в свои окопы нашим ружейным и пулеметным огнем.

На участке у деревни Ушивцы (12 верст к северо-востоку от Сморгони, участок 29-й дивизии 20-го корпуса) немцы об-

менялись с нашими солдатами хлебом и колбасой, а на участке 16-го Мингрельского полка (1-я кавказская гренадерская дивизия 2-го Кавказского корпуса у Сморгони) немцы успели вручить нашим двум солдатам прокламации. Все сходящиеся сейчас же разгонялись нашим артиллерийским огнем.

На участке Шалудьки-Кунава (2-я Кавказская гренадерская дивизия 2-го Кавказского корпуса) наши и немецкие солдаты пытались выйти друг другу навстречу, но огнем нашей легкой батареи и те и другие были разогнаны.

В районе Сутково (участок 2-й Кавказской гренадерской дивизии, к югу от Сморгони) наши солдаты и немцы пытались, выйдя из окопов, сблизиться, но были разогнаны несколькими выстрелами нашей легкой батареи.

В районе Шалудьки-Кунава (участок 2-й Кавказской гренадерской дивизии) нашей батареей несколько раз разгонялись немецкие и наши солдаты, пытавшиеся выходить из окопов

12-я армия

Против острова, что восточнее Вевер, высунулся немец с белым флагом и начал что-то кричать, но после обстрела нашим огнем скрылся.

Западнее Иксюльского предмостного укрепления противник подбросил прокламации с выдержками из речи канцлера, произнесенной..., и пробовал заговорить с нами, но по нему был открыт огонь.

На участке 2-го Сибирского корпуса, близ реки Кеккау, немцы вышли с белыми флагами, а на участке 21-го корпуса в Иксюльском предмостном укреплении подбросили прокламации, в которых приглашали солдатских депутатов войти с ними в непосредственное сношение и пытались заговорить с нашими солдатами, но в обоих случаях были разогнаны нашим огнем

На Приморском участке немцы пытались отдельными людьми вступить в переговоры, но нашими солдатами были приняты меры к прекращению этой попытки огнем. На фронте 21-го корпуса, у Иксюльского предмостного укрепления, немцы пытались вызвать наших солдат на разговоры, но после обстрела их окопов прекратили свои попытки.

Немцы пытались вступить в разговоры с нашими войсками на всем фронте 12-й армии, для чего выходили группами из окопов с белыми флагами, но нашим огнем загонялись обратно в свои окопы.

На фронте 43-го корпуса, на Приморском участке, появилась партия немцев с белым флагом. На фронте 2-го Сибирского корпуса попытки противника войти в сношение с нашими войсками прекращались нашим огнем.

На фронте 43-го корпуса, близ берега моря, к нашим окопам подошли два немца с целью вступить в переговоры, оба немца были захвачены. Во 2-м Сибирском корпусе немцы выходили с белыми флагами, желая вступить в переговоры, но нашим огнем были загнаны обратно в свои окопы.

На участке 21-го корпуса три наших солдата 129-го полка сели в лодку, с тем чтобы поехать в гости к немцам, но после уговоров и угроз своих товарищей вернулись обратно...»

Корнилов отдаст приказание расследовать сущность фронтовой эпидемии под названием «братание». После несложного анализа наиболее ярких случаев с участием выхода на нейтральную полосу большого числа людей были сделаны малоутешительные выводы. Из русских окопов брататься с германцами и австрийцами солдаты выходили чаще всего не по своей личной инициативе. Решения на братание принимались чаще всего низовыми, ротными комитетами, в которых верховодили члены социалистических партий.

Лавра Георгиевича особенно удручали факты, пусть и немногочисленные, когда на братание с неприятелем выходили даже младшие офицеры из ротных. Но это были не кадровые командиры, а офицеры военного времени, ускоренно подготовленные в многочисленных школах прапорщиков.

На немецкой и австрийской стороне картина оказалась в большинстве случаев совершенно иной. Оказалось, что германское командование даже выпустило секретную директиву о том, как надо организовывать братание с русскими окопниками. Такие «миролюбивые» операции во второй половине 1917 года проводились офицерами немецкой разведки, переодетыми в форму нижних чинов и умеющими говорить по-русски. Разрешалось привлекать переодетых армейских офи-

церов. Но допуск к братанию рядовых кайзеровской армии категорически запрещался той же секретной директивой.

В этом документе определялся и сам ход братания с русскими солдатами. Обязательным снаряжением немецких братальщиков были белые флаги, колбаса и водка (шнапс). Первый вопрос, который следовало задавать окопникам противной стороны, был таков: «Иван, скажи мне, твое Временное правительство еще не скинуто народом?»

...Уже в первые недели своего пребывания в Ставке Корнилов понял, что ждать обещанной поддержки от Временного правительства ему не приходится. Борис Савинков, переписавший «безграмотный» корниловский доклад, не смог утвердить его у Керенского, с которым у него неожиданно обострились личные отношения. А министр-председатель все сильнее чувствовал давление над собой Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, за спиной которого зримо маячил ошестинившийся десятками тысяч штыков столичный тыловой гарнизон. Тот гарнизон, который нельзя было никак «вытолкнуть» на фронт, в окопы.

Об этом Верховный откровенно говорил со своим начальником штаба генерал-лейтенантом Александром Сергеевичем Лукомским, в котором сразу увидел своего единомышленника и надежного товарища. Лавр Георгиевич знал его еще генерал-майором, начальником мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. Именно Лукомский подготовил и провел общую мобилизацию, за что императорским указом был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени на Георгиевской ленте. Затем он был помощником военного министра, с получением второго генеральского звания — начальником 32-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте. На должность начальника штаба Ставки пришел с должности ее генерал-квартирмейстера и заместителя председателя Особого совещания по обороне государства.

В Петрограде Керенский все не решался дать ход корниловской программе оздоровления фронта и его тыла. Наконец, он пригласил Верховного главнокомандующего в столицу, чтобы тот лично изложил свои требования перед Временным правительством. Корнилов выехал в Петроград уже после того, как в Ставку пришла новая телеграмма от мини-

стра-председателя, в которой говорилось, что приезд генерала отменяется и ему следует оставаться на своем посту в Могилеве.

10 августа генерал Корнилов во второй раз прибыл на берега Невы как Верховный главнокомандующий России. Однако теперь его приезд внешне отличался от первого. Поскольку в прессе постоянно «витали» слухи о готовящемся покушении на Корнилова, в Ставке его убедили взять с собой охрану. Это было совсем необычно для той поры хотя бы на примере российского Военного и Морского министерств. Они даже в годы войны никем и ничем не охранялись, пропускной системы в них не имелось. И любой офицер мог войти, скажем, в здание Военного ведомства и совершенно беспрепятственно оказаться в приемной самого военного министра.

Прибыв в столицу, Корнилов прямо с вокзала на поданном автомобиле отправился в Зимний дворец. Он был окружен сотенным конвоем из верных конников-текинцев с двумя пулеметами. Пока генерал вел разговор с министром-председателем, его личный конвой находился при оружии в дворцовом вестибюле. Как и ожидалось, на Верховного никто не собирался покушаться. Слухи так и остались слухами.

Керенский не отважился на личную встречу, с глазу на глаз, с генералом. В длительной беседе участвовали еще два «временных» министра — Некрасов и Терещенко. Среди прочего, Лавр Георгиевич узнал, что глава правительства уже дал свое согласие на отставку Бориса Савинкова, с которым у Верховного сложились отношения взаимопонимания. Тот и другой были против «левой» революции и политики Петроградского Совета.

Переговорный процесс в Зимнем дворце чего-либо реального не дал. Корнилов смело напомнил министру-председателю и двум его доверенным лицам решения совещания в Ставке 17 июля, на котором присутствовал тогда Керенский. Смысл сказанного на том совещании высшего командования армии и флота состоял в следующем:

«Ныне самое важное, прежде чем рассуждать о стратегии, обсудить меры, как восстановить боеспособность армии. Без этого невысказанно принять какое бы то ни было стратегическое решение»

Чтобы восстановить боеспособность, нужно создать дисциплину. Вернуть старую дисциплину, то есть на прежних началах, невозможно; об этом нечего мечтать. Но авторитет начальников нужно восстановить. Нужно снова сделать войска послушными. Ныне с ними ничего нельзя сделать: после каждого приказания — митинги по суткам и в результате — отказ от выполнения распоряжений. Целые дивизии отходят, невзирая на уговоры; люди разбегаются. От ротного командира до главнокомандующего власти ни у кого нет.

Заменить же эту власть работой комиссии и комитетов невозможно. Военная история показывает, что есть предел свободе армии. Нельзя представить армию без начальников. Нужна внутренняя спайка, нужна власть и авторитет у начальников. Солдат должен слушаться своих офицеров...»

На обратном пути в Могилев Верховный главнокомандующий вновь посетил древнюю столицу Русского царства. Только теперь в Москве он остановил свой поезд на запасных путях. В Москве Лавр Георгиевич выступил на одном из военных «совещаний» российской общественности в Большом театре. Значение той его речи заключалось в стремлении добиться от Временного правительства проведения реформ в вооруженных силах страны, которые могли бы быть приемлемы для Советов. То есть он обращался к сознанию тех, для кого «охрана революционных завоеваний» была важнее побед на фронте. При этом «охранители», строя иллюзии, как-то забывали думать о своем вероятном будущем.

В той речи в московском Большом театре, которая была опубликована во многих газетах, страна едва ли не впервые публично узнала о расцвете братания на фронте. И о том, как русскими полками безрассудно оставлялись неприятелю занимаемые позиции. Корнилов привел цифры, которые свидетельствовали о заметном сокращении военного производства, что не могло не отразиться на состоянии действующей армии. Он огласил длинный список офицеров, предательски убитых своими же солдатами.

Во время того посещения Москвы вагон Верховного посетил немало политических деятелей и финансовых тузов. Среди них оказался А.Ф. Аладьин, депутат-социалист первого состава Государственной думы, которая была разогнана императором

Николаем II. После этого Аладьин эмигрировал в Англию, где с началом Первой мировой войны вступил в ряды британской армии. Вскоре лондонское правительство командировало его в Россию для защиты союзных интересов.

Аладьина, человека влиятельного в российской общественности, сразу же заинтересовала фигура Корнилова. И было отчего заинтересоваться. Генерал смотрелся одним из редких военных деятелей, который твердо знал, чего он хочет. Который не являлся, как большая часть русского генералитета, тайным монархистом. Который был настоящим выходцем из трудового народа, достигшим своего высокого положения лишь благодаря прирожденным способностям. Корнилов пригласил бывшего депутата-социалиста, ходившего в английской военной форме, посетить Ставку.

Когда Корнилов вернулся в Могилев из той поездки в Петроград, у него состоялся заинтересованный разговор с начальником штаба Ставки генерал-лейтенантом Александром Сергеевичем Лукомским, своим единомышленником. Последний в своих белоэмигрантских «Воспоминаниях» рассказывает о том, как Верховный начал разговор с того, что сказал о готовящемся в конце августа выступлении большевиков в столице:

«Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать так, чтоб он нигде и не собрался. Вы правы. Конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины как следует.

Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов.

Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне, в последнюю минуту, удастся с ним договориться...

Я лично ничего не ишу и не хочу. Я хочу только спасти Россию, и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся.

«Пойдете ли вы со мною до конца и верите ли, что лично для себя я ничего не ищущу?»

Генерал Лукомский тогда ответил Корнилову на прямо поставленный вопрос утвердительно. После этого Верховный попросил своего начальника штаба «не брать никакой армии», а оставаться на прежней должности в Ставке...

Руководя Ставкой, Лавр Георгиевич постоянно конфликтовал по различным причинам с Керенским, с которым едва ли не ежедневно переговаривался по прямому проводу, по телеграфу. Первым серьезным конфликтом стал вопрос о назначении нового главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Керенский сразу же предложил кандидатуру генерала от инфантерии В.А. Черемисова, командующего 8-й армией и, без согласования с Верховным главнокомандующим, подписал указ о его назначении.

Корнилов выступил резко против такого, не санкционированного им назначения. Он до этого не раз отмечал слабое командование Черемисовым одной из лучших армий Русского фронта. А во время отступления 8-й армии не проявил хладнокровия и присутствия высокого духа. Назначение нового командующего армией без согласования с Верховным, конечно же, было прямым нарушением субординации. И возмущение Лавра Георгиевича имело под собой основание.

Правительственный политический комиссар М.М. Филоненко был вынужден провести разговор по прямому проводу с командующим 8-й армией. Делал он это по просьбе Керенского:

Филоненко: Главковерх Корнилов, при всем его уважении к вашим дарованиям, по причинам принципиальным протестует против вашего назначения на Юго-Западный фронт. Известно ли вам об этом?

Черемисов: Да, мне известно мнение генерала Корнилова.

Филоненко: Не найдете ли соответственным заявить, что вы примете пост главнокоюза в том случае, если на это последует согласие главковерха, в противном же случае сочтете своим долгом остаться на посту командарма 8-й, который доверен вам тем же генералом Корниловым.

Черемисов: Я вас не затрудню длинным ответом. Если правительство признало меня годным служить делу революции в

роли главкоюза, то не понимаю, каким образом, в угоду кому бы то ни было, это может измениться, если только у нас еще нет контрреволюции и не началось распутинство. Я и при старом режиме никогда не служил лицам, а служил России и тем более не стану этого делать теперь. Своего права служить России я никому не уступлю и ни к кому наниматься на службу, как лакей, не буду. За этот взгляд я уже много претерпел в свое время, когда служба родине и служба лицу, если и различалась, то в пользу лица, а не родины. Я и тогда боролся, не имея за собой ничего, а теперь свое право служить в это трудное время армии и делу революции буду защищать хотя бы с бомбой в руках.

Филоненко: Ваше упорство может повлечь за собой отставку Корнилова, которого вся Россия признает народным вождем, а также отставку и некоторых других лиц.

Черемисов: Если отечество в опасности и это серьезная фраза, а не шутка, то мне никакого дела нет до чьей бы то ни было карьеры. Пускай уходит в отставку кто хочет, мне до этого нет дела. Думаю, не может быть до этого дела и тем, кто понимает, что в минуту опасности родины надо ее спасать, не жалея человеческих жизней, не только карьер. Если бы вы были здесь и знали, что тут происходило в течение последних двух недель, то поняли бы, что дело не в принципах, а в работе темных сил. Я свой ответ дал вам и ни при каких обстоятельствах его не изменю.

Филоненко: К темным силам в данном случае благоволите причислить Бориса Савинкова и Максимилиана Филоненко...»

Конфликт закончился тем, что назначенный уже Черемисов так и не вступил в командование Юго-Западным фронтом. Его главнокомандующим стал генерал от инфантерии Петр Семенович Балубев, командующий 11-й армией. Он был известен как один из героев Брусиловского наступления 1916 года и тем, что в первый военный год его армейский корпус удачным контрударом деблокировал осажденную немцами крепость Осовец.

Конфликт с министром-председателем из-за Черемисова мог обернуться отставкой для Верховного. Известно, например, что помощник правительственного политического комис-

сара в Ставке фон Визин через несколько дней (7 августа) предупредил Корнилова:

— По имеющимся сведениям из Петрограда вопрос о вашей отставке в правительственных кругах почти решен.

На такое предупреждение официального правительственного лица Лавр Георгиевич ответил так:

— Мне думается, что такая мера вряд ли будет полезна, так как она может вызвать в армии волнения...

О том, что такой вопрос действительно решался в правительственных кругах, свидетельствует неожиданная активность его сторонников, которая выразилась в принятии и публикации ряда резолюций в защиту Верховного главнокомандующего. На своем экстренном заседании 6 августа Совет союза казачьих войск вынес следующую резолюцию:

«Генерал Корнилов не может быть смещен, как истинный народный вождь, и, по мнению большинства населения, единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения.

Совет союза казачьих войск, как представитель всего Российского казачества, заявляет, что смена генерала Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, ввиду явного нежелания власти спасти родину, честь армии и свободу народа действительными мерами.

Совет союза казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному правительству и народу, что он снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корнилова.

Совет союза казачьих войск заявляет громко и твердо о полном и всемерном подчинении своему вождю-герою Л.Г. Корнилову».

На следующий день, 7 августа, подобную резолюцию приняла конференция Союза георгиевских кавалеров. Она постановила:

«Всецело присоединиться к резолюции Союза казачьих войск и твердо заявить Временному правительству, что если оно допустит восторжествовать клевете и генерал Корнилов будет смещен, то Союз георгиевских кавалеров немедленно

отдаст боевой клич всем кавалерам к выступлению совместно с казачеством».

В тот же день, 7 августа, Главный комитет союза офицеров армии и флота послал во все штабы фронтов и армий, военному и морскому министру А.Ф. Керенскому, в ряд органов печати следующую телеграмму:

«Главный комитет Союза офицеров армии и флота в тяжелую годину бедствий все свои надежды на грядущий порядок в армии возлагает на любимого вождя генерала Корнилова. Мы призываем всех честных людей и все русское офицерство незамедлительно высказать ему свое полное доверие, подтвердив, что его честная, твердая и испытанная во многих боях рука, его имя и пролитая кровь за Родину являются, может быть, последним лучом надежды на светлое будущее России. Мы не допускаем возможности вмешательства в его утвержденные правительством действия каких бы то ни было лиц или учреждений и готовы всемерно поддержать его в законных требованиях».

И наконец, свой голос в защиту Верховного главнокомандующего подало совещание общественных деятелей, которое проходило в Москве под председательством М.В. Родзянко. В работе совещания приняло участие немало известных военных людей. Родзянко от имени участников форума российской общественности 9 августа телеграфировал на имя Верховного главнокомандующего России генерала Л.Г. Корнилова:

«Совещание общественных деятелей приветствует вас, верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России оно считает преступлением и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой. Да поможет вам Бог в вашем величайшем подвиге по воссозданию могучей армии и спасения России».

В те дни, когда решалась его судьба как Верховного главнокомандующего, Лавр Георгиевич получил множество телеграмм от частных лиц и организаций. Это было прямым свидетельством его личной популярности у немалой части российского общества. И Временному правительству пришлось

отложить рассмотрение дискутирующего вопроса о смене главы могилевской Ставки. Пример такого подхода к «делу Корнилова» показал сам министр-председатель А.Ф. Керенский, который все больше и больше нуждался в сильном союзнике, который опирался на реальную военную силу.

Получив такую мощную по тем дням поддержку, Лавр Георгиевич через правительственного комиссара М.М. Филоненко представил Временному правительству докладную записку, в основу которой были положены его собственные мысли. Особый интерес вызывали предложения по милитаризации железных дорог и военной промышленности. В 9-м разделе докладной записки, озаглавленном «Железные дороги», предлагалось следующее:

«Железные дороги должны быть объявлены на военном положении. Комитетам категорически запрещается вмешиваться в технические распоряжения начальства. Всякое неисполнение технического приказа должно рассматриваться как неисполнение боевого приказа на фронте и облагаться соответственной карой, для чего на дорогах, в крупных узловых центрах, должны быть учреждены военно-революционные суды».

В 10-м разделе докладной записки Ставки российскому правительству — «Снабжение армии» — говорилось следующее:

«Для спасения армии и свободы необходимо теперь же:

1. Объявить все заводы, работающие на оборону, а также угольные копи — на военном положении.

2. Решительно воспретить на территории заводов все то, что мешает работать, — митинги и всякого рода собрания, за исключением совета старост и правления больничных касс.

3. Категорически потребовать от рабочих исполнения минимального ежедневного количества изделий по средней норме последних месяцев до переворота (октябрь — январь), при неременной оплате труда не за время, а сдельно.

4. Немедленное увольнение и отправление на фронт каждого рабочего, не удовлетворяющего условиям пункта 3-го».

Когда Борис Савинков показал министру-председателю эту докладную записку из Ставки, то Керенский ему ответил на такие корниловские предложения:

— Я ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах такую докладную записку не подпишу...

Можно только спорить о том, видел ли Александр Федорович Керенский в тот 1917 год, который стал годом пика его политической карьеры, что «демократическая республиканская» Россия катится в бездну не только военной катастрофы? Тот последний год старой России историк А.А. Керсновский назвал временем «преступления Керенского»:

«...Вся Россия превратилась в один огромный сумасшедший дом, где кучка преступников раздала толпе умалишенных зажигательные снаряды, а администрация исповедовала принцип полной свободы этим умалишенным во имя «заветов демократии». Спасти страну можно было только расправой с предателями и обузданием взбесившихся масс. Но для этого необходимо было переменить всю обанкротившуюся систему управления — заменить трескучие фразы решительными мерами.

Генерал Корнилов, возглавлявший русскую армию в самый тяжелый час ее существования, видел бездну, разверзавшуюся под ногами ослепленной России. Он считал спасительным установление сильной власти на диктаторских началах. Одновременно надлежало оздоровить армию восстановлением попранной дисциплины, официальным введением смертной казни и замены зловещей «Декларации прав солдата» декларацией его обязанностей.

Корнилов считал необходимой милитаризацию военных заводов и железных дорог и находил, что надо иметь три армии — одну на фронте в окопах, другую — на заводах для изготовления боевого снаряжения и третью — на железных дорогах для подачи снаряжения на фронт. Додумайся до этого шталмейстеры и столоначальники императорского правительства в 1916 году, мы не имели бы революции...»

Корнилов в какой-то мере смог навязать Временному правительству свою волю как Верховный главнокомандующий России. Об этом может свидетельствовать следующий факт. 21 июля разразился правительственный кризис: Керенский подал письменное заявление об освобождении его от всех занимаемых им должностей. При этом он исходил из точности политических расчетов. Кризис закончился вечером 24 июля,

когда из 18 министерских постов 11 получили представители социалистических партий.

Александр Федорович сохранил тогда за собой посты и министра-председателя, и военного, и морского министров. В ходе реорганизации Временного правительства управляющим Военного ведомства стал Савинков, а Морского — Лебедев. На их плечи и легло управление этими двумя силовыми министерствами.

Экс-террорист Борис Викторович Савинков вступил в управление Военным министерством 28 июля. На пресс-конференции он так определил направление своей работы на этом высоком государственном посту:

«Первой задачей моей деятельности по Военному министерству является восстановление в армии железной дисциплины. Для насаждения ее нужен особый и в высшей степени авторитетный аппарат. Аппарат этот будет организован Военным министерством в полном согласии со Ставкой Верховного главнокомандующего...

Мы полагаем, что для воссоздания дисциплины и поднятия боеспособности армии необходимо усиление института комиссаров...

При назначении комиссаров должно быть обращено особое внимание на качество их и определенность убеждений. Комиссары должны нести ответственность за свою деятельность в том порядке, как эту ответственность несут все военнослужащие...

Необходима самая суровая и действительная борьба с разлагающими армию элементами, вроде так называемых большевистских течений и большевиков...

За высшим командным составом остаются исключительно оперативно-боевые обязанности; за войсковыми организациями — все то, что входит в пределы самоуправления армии, за комиссарами — высший надзор за общеполитической жизнью армии».

В декларации управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова хорошо просматриваются идеи восстановления боеспособности русской армии, которые отстаивал Лавр Георгиевич. Не случайно современники считали, что Савинков в своем выступлении перед столичными журналистами «озвучил» мысли Корнилова, выступил от его лица.

Керенский, уладивший свою ссору с Борисом Савинковым, послал его в Могилев. Цель поездки была очерчена четко: «прощупать» настроения генерала Корнилова и его ближайшего окружения. Или, говоря иначе, Корнилов послал товарища военного министра провести в Ставке переговоры для соглашения между ним и Корниловым.

«Временного» министра-председателя личность Корнилова откровенно пугала. И было отчего пугаться. Лавр Георгиевич говорил на непонятном Керенскому языке. Казак по происхождению, военный по призванию, государственный по воззрению на судьбу Отечества, он был непонятен, неприятен и чужд. Но с ним приходилось считаться, поскольку глава Ставки являлся фактическим вождем сражающейся многомиллионной русской армии. Пусть основательно распропагандированной, но не потерявшей еще своей боевой устойчивости.

Так в российской истории за 1917 год стал проектироваться триумvirат трех сильных личностей тех дней — А.Ф. Керенского, Б.В. Савинкова и Л.Г. Корнилова. Но в том триумvirате роли еще не распределялись. Важно было заполучить принципиальное согласие каждого на установление «сильной» власти в революционной России.

Керенский послал в Могилев присматривать за террористом Савинковым лично доверенное ему лицо — полковника В.Л. Барановского. Тот был по должности личным помощником министра-председателя по Военному министерству, выполняя «контрольные функции». По положению в правительственных кругах — шурин Керенского, брат его жены.

К тому времени в сознании Верховного главнокомандующего вполне реально созрело убеждение в том, что спасти Россию и русскую армию от надвигающейся катастрофы может только военный переворот. И установление нового режима государственной власти в образе военной диктатуры сильной и популярной личности. И тогда, и тем более сегодня трудно сказать, видел ли лично себя Лавр Георгиевич в роли военного диктатора. Или не видел, будучи готов поддержать другого человека.

У Корнилова в штабе Ставки уже сложился узкий круг единомышленников, которых в самом скором времени окрестят «корниловцами». Они полностью поддерживали идею совер-

шения государственного переворота вооруженной рукой. Это были генералы Лукомский, первый генерал-квартирмейстер Ставки Романовский, полковники — второй генерал-квартирмейстер Ставки Плющевский-Плющик, Лебедев, князь Голицын, Сахаров, подполковник Пронин, капитан Роженко.

К этому числу можно, но с некоторой оговоркой, отнести и правительственного политического комиссара в Ставке М.М. Филоненко. Это был бывший военный инженер, поручик 9-го броневого автомобильного дивизиона, «всплывший» на политической арене после Февральской революции. Однако в разработке непосредственной операции похода на Петроград он не участвовал.

К слову сказать, Корнилов видел в правительственных политических комиссарах не своих врагов и недоброжелателей, а союзников по сохранению русской армии. Именно на этой почве Лавр Георгиевич стремился строить свои отношения с Б.В. Савинковым и М.М. Филоненко. Известно, что он, например, высоко отзывался о помощнике комиссара 8-й армии Антардовиче.

История с этим «человеком» Временного правительства на фронте была такова. Однажды он начал агитировать солдат за наступление и за «войну до победного конца». Его речь на митинге закончилась тем, что толпа разъяренных солдат схватила его. Со скрученными за спиной руками, под градом сыпавшихся на него со всех сторон ударов Антардович кричал: «Я и на виселице, в петле скажу вам, что вы — сволочи!» Поразительно, но после этого его отпустили. За «примерную храбрость», проявленную в последующих боях, он был награжден генералом Корниловым Георгиевским крестом...

Были у Лавра Георгиевича и другие верные люди. Но именно вышеперечисленным лицам он доверил разработку деталей будущей операции по захвату власти в российской столице. Вели они ее в самом строгом режиме секретности.

Когда Савинков и Барановский прибыли в Ставку (они находились в ней два дня — 24 и утро 25 августа), их сразу же принял Верховный. Все переговоры без ведения протокола велись за закрытыми дверями узким кругом участников.

Об этой строго конфиденциальной встрече историкам известно по книге генерал-лейтенанта Мартынова «Корниловс-

кий мятеж». В ней и опубликован документ большой исторической значимости под названием «Показание генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова, данное Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 года».

Та встреча и особенно ее содержание известны больше со слов самого Лавра Георгиевича, который дал на следствии по делу о «корниловском мятеже» правдивые показания. При этом он не снимал с себя никакой вины и не сваливал хотя бы часть ее на своих соратников. В показаниях говорилось следующее:

«...24 августа...в Ставку прибыл управляющий Военным министерством Б.В. Савинков. С поезда он проехал ко мне. С ним вместе прибыли встречающие его на вокзале начальник штаба генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко.

Г-н Савинков сказал, что Керенский, признанный вождь левых партий, и я, на ком, по его мнению, зиждутся все надежды правых политических партий России, должны идти рука об руку и что несогласия между нами могли бы вызвать крайнее обострение в положении. Поэтому он считает своей важнейшей задачей подготовить почву соглашения между Керенским и мной, с целью на нашей согласованной работе основать формирование сильной, крепкой власти.

Я заявил, что не считаю себя вождем правых партий, но не отрицаю и того, что несогласия между г. Керенским и мной могли бы иметь пагубные последствия. Я заявил, что хотя и не претендую на то, чтобы иметь влияние на тот или другой состав правительства, но раз интересуются моим именем, то я считаю возможным заявить и открыто сказать, что нахожу Керенского человеком слабохарактерным, легко поддающимся чужим влияниям и, конечно, не знающим того дела, во главе которого он стоял. Лично я против него ничего не имею; думаю, что другой состав правительства, без участия г. Керенского, мог бы тоже справиться с делом.

После долгого обсуждения вопроса, в связи с положением страны, я, в конце концов, согласился, что при современном соотношении политических партий участие г. Керенского в составе правительства я признаю безусловно желательным. Затем я добавил, что готов всемерно поддерживать А.Ф. Керенского, если это нужно для блага Отечества.

В ответ Б.В. Савинков заявил мне, что он счастлив слышать от меня эти слова. Все это подтверждено самим г. Савинковым при разговоре со мной по прямому проводу 27 августа, в 5 час. 50 мин. дня. Выдержки из этого разговора прилагаются.

Дальнейший ход событий 24 августа и содержание бесед моих с г. Савинковым изложены в «Протоколе пребывания управляющего Военным министерством, Б.В. Савинкова, в Могилеве 24 и 25 августа 1917 года». В этом протоколе восстановлено по памяти мной, генералами Лукомским и Романовским все, о чем говорилось мной с Савинковым в присутствии двух названных генералов.

Протокол гласит: «24 августа Савинков с поезда проехал прямо к Верховному главнокомандующему. Одновременно с ним приехали начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко. Войдя в кабинет к главноверху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Генерал Лукомский и комиссар Филоненко из кабинета вышли.

Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром-председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба этих лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал генералу Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Временным правительством на основании требований, предъявленных генералом Корниловым.

В тот же день после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете у генерала Корнилова собрались кроме хозяина Савинков, генерал-лейтенант Лукомский и Филоненко. Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко высказались против главноюза генерала Деникина, который не может наладить отношений с комиссарами и комитетами, и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно будет установить дружную работу и это будет отражаться на состоянии войск.

Генерал Корнилов и генерал Лукомский горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определено, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из-за всякого недоразумения.

Затем Савинков предложил обсудить вопрос об установлении границ Петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского военного округа при формировании особой армии для обороны подступов к Петрограду. В кабинет были приглашены генерал-майор Романовский и полковник Барановский (начальник кабинета военного министра), которые принесли карты; и полковник Барановский доложил о тех границах губернаторства, которые считает нужным установить в Петрограде. После некоторого переговора граница была установлена.

До прихода генерала Романовского, после доклада полковника Барановского о необходимости выделить особое Петроградское военное губернаторство, Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал почти дословно следующее:

«Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось.

Хотя в вашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более что еще не известно, как к новому закону отнесется Совет рабочих и солдатских депутатов. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на ваши войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение правительства.

В случае если, кроме большевиков, выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придется действовать против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций».

После этого пришел генерал Романовский, и были окончательно установлены границы Петроградского военного губернаторства.

Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении, при участии 3-го конного корпуса, выступления в Петрограде большевиков и С.Р. и С.Д., если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные.

На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно, и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух, что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и С.Р. и С.Д., то таковое будет подавлено со всей энергией.

Полковник Барановский, стоявший около стола, со своей стороны прибавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия».

После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызывать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

Дабы Временное правительство точно знало, когда объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы генерал Корнилов точно телеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда подойдет корпус к Петрограду. После этого Савинков и Барановский ушли...»

На той встрече был предварительно решен и вопрос о командующем новой Отдельной Петроградской армией, которая должна была подчиняться лично Верховному главнокомандующему. Это был находившийся в резерве Ставки бывший командир 14-го армейского корпуса генерал от инфантерии Ипполит Паулинович Войшин-Мурдас-Жилинский. Обладатель двух орденов Святого Георгия, участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, скобелевской Ахалтекинской экспедиции, на полях Маньчжурии отличился у Вафангоу, под Ташичао и Ляояном, в Мукденском сражении. Умело командовал пехотной дивизией и корпусом в начальный период Великой войны.

Корнилов был высокого мнения о твердости и боевых способностях Войшина-Мурдаса-Жилинского. Он знал числящегося в резерве Ставки генерала по русско-японской войне как командира стрелковой бригады и начальника штаба армейского корпуса. Однако по ходу дела его кандидатура была снята и заменена более подходящим для этой роли Крымовым.

В книге Г.М. Каткова «Дело Корнилова» приводится изложение разговора между Верховным главнокомандующим и Савинковым, который взят из книги А.Ф. Керенского с одноименным названием «Дело Корнилова», увидевшей свет в 1918 году:

«Савинков: О Керенском же я не могу думать так, как вы. Я знаю Керенского, люблю и уважаю его. Керенский — человек большой и благородной души, искренний и честный, но вы правы в одном, — разумеется, не сильный.

Генерал Корнилов: Выражаю желание, чтобы в будущем Керенский не вмешивался в мои дела

Савинков: Это сейчас невозможно, если бы даже было нужно. В будущем, естественным ходом вещей, Керенский, вероятно, станет президентом Российской республики. Я буду приветствовать его президентство.

Генерал Корнилов: Нужно, чтобы в правительстве были Алексеев, Плеханов, Аргунов.

Савинков: Вернее, нужно, чтобы советские специалисты были заменены несоветскими. Это ли вы хотите сказать?

Генерал Корнилов: Да. Советы показали свою нежизнеспособность, свое неумение оборонить страну.

Савинков: Но не войсковые организации.

Генерал Корнилов: Войсковые организации лучше.

Савинков: Лавр Георгиевич, все это дело будущего. Вы недовольны правительством, но, во всяком случае, вы не можете не согласиться, что без Керенского, без возглавления им, никакое правительство немыслимо.

Генерал Корнилов: Вы, конечно, правы: без возглавления Керенским правительство немыслимо, но Керенский нерешителен, он колеблется, он обещает, но не исполняет обещаний».

...Развития событий перед «корниловским мятежом» показывают, что А.Ф. Керенский и тем более недавний руководитель эсеровских боевиков-террористов Б.В. Савинков были достаточно хорошо осведомлены о настроениях в могилевской Ставке. Такое знать было несложно, поскольку одним из главных должностных лиц там являлся правительственный политический комиссар М.М. Филоненко. К тому же в Ставке постоянно находилось много всевозможных политических деятелей, депутатов Государственной думы, заинтересованных представителей союзных стран Антанты. Они черпали, естественно, информацию и из ближайшего окружения Корнилова.

А тем временем в Ставке шла подготовка к военному перевороту. Среди прочего, в Могилеве заблаговременно отпечатали воззвания, с которыми генерал Л.Г. Корнилов предполагал обратиться к населению России и русской армии. Автором его был корниловский адъютант Завойко, который, не покладая рук и пера, пекся об авторитетности, народной популярности своего кумира. И в чем немало преуспел.

Лавр Георгиевич не скрывал своих замыслов от главы российского кабинета министров. Александр Федорович Керенский, метивший в президенты республиканской России, знал их через Савинкова, который многократно совершал поездки в Ставку. Через него стало известно, например, о плане Корнилова немедленной «расчистки» Петрограда.

Суть его заключалась в следующем. Верховный главнокомандующий задумал вывести из столицы многие запасные во-

инские части (резервные полки), совершенно разложившиеся не сколько от большевистской пропаганды и агитации, сколько от «демократической» вседозволенности. Солдатские митинги заканчивались вынесением резолюций «Долой войну!». То есть той войны, которая все еще шла и конца ей с питерских площадей все еще не просматривалось.

Но запасные полки и бригады существовали для того, чтобы готовить пополнения для фронта, восполнения на них людских потерь. Столичный гарнизон с такой естественной задачей давно не справлялся. И в результате отправка на фронт в маршевых ротах неподготовленного пополнения зачастую производилась под угрозой применения вооруженной силы.

Колебания Керенского в отношении применения силы для наведения порядка в столице имели под собой еще одну подоплеку. На его имя в Зимний дворец постоянно поступали сотни писем, часть из которых удостоилась прочтения лично им. То, что читалось Александром Федоровичем, назвать можно было только «разбросом мнений» в складывавшейся в России внешнеполитической ситуации, и не менее того:

«Хочется сказать, что думает сейчас «средний обыватель России», который, приветствуя февральские дни революции, желал от них свободы и славы дорогой родины, а увидел один позор и втаптывание ее в грязь...»

«Россию можно спасти от гибели только кулаком, палкой и плетью...»

«Вы должны были знать, куда вы поведете Отечество, затеяв революцию...»

«Крестьяне, приезжающие в..., открыто говорят, что один только царь может спасти Россию и понизить цены на все продукты...»

«Берите назад свободу с революцией, нам лучше жилось прежде, без свободы, без товарищей...»

На совещании в Ставке 24 и 25 августа Корнилов и Савинков договорились о том, что ударной силой военного переворота будут 3-й конный корпус и Кавказская Туземная конная дивизия, которую за глаза называли «Дикой». Это были дисциплинированные и боеспособные армейские соединения. По замыслу Верховного главнокомандующего и революционера-террориста Савинкова конные корпус и дивизия становились

основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Корнилову.

Непосредственное проведение операции по «замирению» столичного Петрограда возлагалось на командира 3-го конного корпуса генерал-лейтенанта Александра Михайловича Крымова. На его кандидатуре настоял сам Корнилов. У него был богатый послужной список. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Имел опыт русско-японской войны. Командовал 1-м Аргунским полком Забайкальского войска. Затем был генералом для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа генерале от инфантерии А.М. Самсонове, армия которого в самом начале войны погибла в Восточной Пруссии.

Крымов был в годы Первой мировой войны едва ли не самым блестящим кавалерийским военачальником. Сперва он командовал бригадой 2-й Кубанской казачьей дивизии, затем — Уссурийской казачьей бригадой, состоявшей из двух полков — Уссурийского казачьего и безномерного Приморского драгунского. 1 июня 1915 года под Попелянами произошел замечательный для русского оружия кавалерийский бой. Драгуны-приморцы форсировали реку Венту и во встречном бою разгромили (изрубили) пять полков германской конницы: 9-й и 13-й драгунские, 1-й, 2-й и 12-й гусарские. Вскоре Уссурийская бригада была развернута в дивизию, а Крымов назначен ее командиром.

Командиром 3-го конного корпуса генерал-лейтенант А.М. Крымов стал в апреле 1917 года. Известно, что он отказался принять предложенный ему пост военного министра. 24 августа был назначен корниловским приказом главнокомандующим Отдельной Петроградской армией (по примеру Отдельной Кавказской), которая так и не была создана.

Корнилов и его единомышленники, как ни странно, не рассчитывали встретить серьезного сопротивления при выполнении своих замыслов. Пожалуй, наиболее трезво мыслящим из всей тройки лидеров подготавливаемого военного переворота — Л.Г. Корнилов, А.Ф. Керенский и Б.В. Савинков — только последний (обладавший огромным личным опытом антиправительственной борьбы с царизмом) реально смотрел на складывавшуюся ситуацию. Такое представление руководства Став-

ки генерал-лейтенант А.И. Деникин объяснял опытом подавления предыдущих восстаний:

«...С трусливой, распропагандированной толпой, которую представлял собой Петроградский гарнизон, и с неорганизованным городским пролетариатом может справиться очень небольшая дисциплинированная и понимающая ясно свои задачи часть».

Историки до сих пор не пришли к единому мнению о личной роли Лавра Георгиевича Корнилова в готовящемся военном перевороте. Одни утверждают, что он пытался установить в России военную диктатуру, став во главе верховной власти. Другие считают, что он задумал выступить в роли диктатора, оставаясь на посту Верховного главнокомандующего. Третьи видят в действиях Корнилова попытку утвердить власть Временного правительства А.Ф. Керенского с применением военной силы. Есть и другие взгляды.

Один из лидеров Российской социал-демократической партии (большевиков) В.И. Ульянов (Ленин) считал, что «корниловский мятеж» — это «...поддержанный помещиками и капиталистами, с партией конституционных демократов во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу Гражданской войны со стороны буржуазии».

Глава 10

КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ. ПОХОД 3-ГО КОННОГО КОРПУСА НА ПЕТРОГРАД

Министр-председатель Керенский колебался. Его давно пугала решительность Корнилова и Савинкова. Он с самого начала не доверял ни генералу, ни тем более террористу. Он так

и не смог проникнуть в замыслы своих союзников по военному перевороту, до начала которого оставались буквально считанные дни и часы.

Керенский решил еще раз «разведать» намерения Корнилова. Для этого он выбрал прожженного российского политика — князя В.Н. Львова, совсем недавно оставившего пост обер-прокурора Святейшего Синода (в первые годы советской власти он будет проводить антицерковную политику партии большевиков). Львов метил во «временные» и потому министр-председатель мог на него положиться.

Князь Львов приехал в Могилев сразу после того, как Ставку покинули Савинков и полковник Барановский. В показаниях следственной комиссии по делу о «корниловском мятеже» Корнилов так описывает эту встречу:

«25 августа г. Савинков уехал из Могилева. В тот же день утром ко мне явился В.Н. Львов, которого в бытность мою главнокомандующим войсками Петроградского военного округа я видел два раза в заседаниях Совета министров. Я знал, что он был членом Государственной думы, обер-прокурором Синода. Кроме обычных приветствий при встрече, никаких разговоров с ним я прежде не вел. Войдя ко мне в кабинет, Львов сразу заявил мне: «Я к вам от Керенского с поручением»...

В.Н. Львов заявил мне от имени Керенского, что если, по моему мнению, дальнейшее участие последнего в управлении страной не даст власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов продолжать работу. Львов просил меня высказать мое мнение по поводу предложения Керенского и изложить программу.

Я, очертив общее положение страны и армии (положение дел на фронте, приготовление немцев к производству десанта на побережье Рижского залива и возможность дальнейшего развития этих операций в направлении на Ревель и Петроград, известие об убийстве солдатами начальника 3-й пех. дивизии генерала Гиршфельда и комиссара 11-й армии Линде, пожар пороховых и артиллерийских складов в Казани), заявил, что, по моему глубокому убеждению, единственным ис-

ходом из тяжкого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении.

Я заявил, что лично не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, будь то сам А.Ф. Керенский, генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо.

Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что, ввиду тяжелого положения страны, Временное правительство, в его нынешнем составе, само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора.

Я заявил, что если бы так случилось, то, всегда держась мнения, что только твердая власть может спасти страну, я от такого предложения бы не отказался.

Я просил В.Н. Львова передать А.Ф. Керенскому, что, независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и его отношение ко мне, я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым.

Кроме того, я просил его передать А.Ф. Керенскому, что, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков и на А.Ф. Керенского готовится покушение. Поэтому я прошу А.Ф. Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно. Я просил передать ему, что я честным словом гарантирую ему полную безопасность в Ставке.

Выслушав мое заявление, Львов, по-видимому тронутый моими словами, сказал: «...Генерал, вы благороднейший человек». В конце нашей беседы в кабинет вошел с докладом В.С. Завойко, исполнявший обязанности моего ординарца. В его присутствии я еще раз повторил В.Н. Львову суть сделанных мной заявлений...».

Сам В.Н. Львов описывал «суть» разговора с генералом Корниловым на страницах парижской белоэмигрантской газеты «Последние новости» так:

«...Я сказал Корнилову:

— Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам?

Корнилов сделал жест головой в знак согласия и продолжал:
— Во всяком случае Романовы взойдут на престол только через мой труп. Когда власть будет лишь передана, я оставлю свой кабинет...»

27 августа в 2 часа 40 минут из штаба Ставки в зашифрованном виде была отправлена телеграмма под № 6394 на имя управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова. В ней говорилось о подводе к Петрограду частей 3-го конного корпуса. Вот ее содержание:

«Управвоенмину. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа. Генерал Корнилов. Подлинный подписали: генерал от инфантерии Корнилов, генерал-лейтенант Лукомский и генерал-майор Романовский».

Однако к Петрограду «притягивался» не весь 3-й конный корпус, а только 1-я Донская и Уссурийская казачьи дивизии. Входившая в состав корпуса 10-я кавалерийская дивизия признавалась на то время недостаточно надежной в политическом отношении, и потому она оставлялась на месте дислокации. В состав этой дивизии входили четыре полка: 10-й драгунский Новгородский, 10-й уланский Одесский, 10-й гусарский Ингерманландский и 1-й Оренбургский казачий.

Ненадежной считалась и корпусная артиллерия в лице 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона. Было принято решение о замене его на 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион.

Перед этим начальник штаба Ставки генерал-лейтенант А.С. Лукомский телеграфировал главнокомандующему армиями Северного фронта:

«Ввиду продолжающих поступать сведений о готовящемся наступлении немцев на Северном фронте, главковерх приказал, вслед за Кавказской Туземной дивизией, отправить в район Невель — Новосokolьники — Великие Луки 3-й конный корпус, без 10-й кавалерийской дивизии и 2-го конно-горного дивизиона, остающихся на Юго-Западном фронте...»

Из Могилева позаботились о «дополнительном» снабжении перебрасываемых под Петроград войск. Так, 21 августа генерал-квартирмейстер Северного фронта получил из Ставки за

подписью генерал-майора И.П. Романовского телеграмму следующего содержания:

«Главковерх приказал срочно передать в 1-ю Донскую, Уссурийскую и Кавказскую конные дивизии по несколько ящиков ручных гранат».

Это распоряжение свидетельствовало о том, что казаки и кавказцы «довооружались» на случай участия в уличных боях, которые могли начаться в столице. До этого кавалерийские части имели по сравнению с пехотой ручные гранаты в самом малом количестве.

В те же дни интендант Северного фронта получил из Ставки телеграфный приказ об устройстве на железнодорожных путях, ведущих к Петрограду, тыловых магазинов. В телеграмме указывалось следующее:

«Иметь на особом учете запас продовольствия и фуража на 10 дней в районе Великие Луки — Невель — Новосokolьники и, кроме того, на 10 дней в районе Бологое — Куженкино».

Полковник Барановский на встрече 24 августа просил Верховного главнокомандующего заменить при первой возможности Кавказскую Туземную конную дивизию регулярной кавалерией («неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам»). Корнилов приказал начальнику штаба Ставки Лукомскому запросить ближайшие Северный и Западный фронты: нельзя ли из их наличных кавалерийских дивизий отправить бригаду, но не казачью, в распоряжение генерал-лейтенанта Крымова.

В тот же день 27 августа, в 5 часов 50 минут дня, социалист-революционер Борис Савинков, решил еще раз отметить в российской истории. Он телеграфировал в могилевскую Ставку, попросив к аппарату Верховного главнокомандующего:

«...Я считаю долгом, для восстановления исторической точности, заявить, что я, по поручению министра-председателя, просил у Вас конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущений против Временного правительства, откуда бы они ни шли...»

Корнилов готовился взять революционный Петроград железной рукой. Ударной силой выступал 3-й конный корпус генерал-лейтенанта А.М. Крымова. Он состоял из двух каза-

чьих дивизий — 1-й Донской и Уссурийской. 1-я Донская казачья дивизия состояла из следующих полков: 9-го Донского казачьего генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, 19-го Донского казачьего генерала Луковкина, 13-го Донского казачьего генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского и 15-го Донского казачьего генерала Краснова 1-го. Дивизия имела свою конную артиллерию: 6-ю и 7-ю Донские казачьи батареи.

Уссурийская казачья дивизия, известная в годы Первой мировой войны своими славными боевыми делами, состояла тоже из четырех полков: Приморского драгунского, Уссурийского казачьего, 1-го Амурского казачьего и 1-го Нерчинского из Забайкальского казачьего войска. Артиллерийским был 1-й конно-горный дивизион.

Одновременно с 3-м конным корпусом в поход на красный Питер шла Кавказская Туземная конная дивизия, которой командовал генерал-лейтенант князь Дмитрий Петрович Багратион, ставший в 1919 году начальником Высшей кавалерийской школы РККА. Дивизия состояла из шести конных полков: 2-го Дагестанского, Кабардинского, Татарского, Чеченского, Ингушского и Черкесского. Она тоже имела собственную артиллерию — 3-ю и 4-ю конно-горные батареи.

Историк-белоземigrant А.А. Керсновский в своем известном труде, описывая боевой путь русской армии в Первой мировой войне, давал высокую оценку этому национальному кавалерийскому соединению:

«Кавказской Туземной дивизией — или, как ее называли, «Дикой» дивизией, — в 1914—1915 годах командовал великий князь Михаил Александрович. Дивизия имела блестящие дела: зимой в Карпатах, весной 1915 года — в Заднестровье и осенью — на Днестре у Гайворонки. Командир Черкесского полка князь Святополк-Мирский за атаку 15 февраля 1915 года в Карпатах был посмертно награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В атаках у Гайворонки отличились 2-й Дагестанский и Татарский полки. 15 июля 1916 года в Брусиловском наступлении она отличилась атакой ингушей под Езерянами».

«Дикая» дивизия перебрасывалась из состава войск Юго-Западного фронта заблаговременно. Еще 7 августа из могилевской Ставки главнокомандующему армиями фронта гене-

рал-лейтенанту А.И. Деникину был дан приказ отправить дивизию на сосредоточение в районе Великих Лук. К этому городу подтягивался и казачий корпус генерала Крымова.

На станции Орша, вечером 26 августа, генерал-майор М.К. Дитерихс, начальник крымковского штаба, передал князю Багратиону следующее собственноручно написанное предписание:

«1917 г. 25 августа.

Секретно.

Для личного сведения.

Начдиву Туземной

Верховный главнокомандующий назначил меня главнокомандующим Петроградской отдельной армией, в состав коей входит вверенная Вам дивизия. Верховный главнокомандующий повелел мне восстановить порядок в Петрограде, Кронштадте и во всем Петроградском военном округе, причем указал подтвердить всем войсковым начальникам, что против неповинующихся лиц гражданских или военных должно быть употребляемо оружие без всяких колебаний или предупреждений.

Во исполнение сего приказываю:

1. Тотчас по получении сведений о беспорядках, начавшихся в Петрограде, и не позднее утра 1 сентября вступить в г. Петроград и занять район города — Московская, Литейная, Александро-Невская и Рождественская части. Первоначально Вам надлежит выделить части для обезоруживания нынешних гарнизонов Павловска и Царского Села.

2. В Петрограде на Вас возлагается задача:

а) разоружить все войска (кроме училищ) нынешнего Петроградского гарнизона и всех рабочих заводов и фабрик указанного выше района Петрограда;

б) поставить, где надо, свои караулы, организовать дневное и ночное патрулирование района;

в) силою оружия усмирить все попытки к беспорядкам и всякое неповиновение моим или Вашим приказаниям;

г) установить охрану тюрем и арестных домов, но лиц, там ныне содержащихся, ни в коем случае не выпускать.

3. Вы назначаетесь комендантом указанного выше района Петрограда, который, в свою очередь, для удобства управле-

ния Вы можете подразделить на участковые комендантства. Левее Вас будет район 1-й Донской казачьей дивизии; севернее, по правому берегу Невы, — район 5-й Кавказской казачьей дивизии.

4. Главным комендантом Петрограда назначаю командующего 3-м кавалерийским корпусом (на эту должность назначался генерал-лейтенант П.Н. Краснов. — *А.Ш.*), местопребывание коего первоначально будет на Центральной телефонной станции (Б. Морская).

5. Вашему штабу дивизии первоначально расположиться на Знаменской площади.

6. Передвижение из Царского Села в Петроград совершить походным порядком.

7. Ничьих распоряжений, кроме исходящих от меня или главного коменданта и за нашими подписями, ни в коем случае не исполнять.

8. Занять вокзалы железных дорог вверенного Вам района, производить самую тщательную проверку документов у пассажиров и лиц, не принадлежащих к жителям окрестных дачных районов, из города не выпускать.

9. Я буду первоначально находиться на Центральной телефонной станции.

10. Препровождаю Вам при сем для Вашего руководства и распространения среди жителей копию моего приказа за № 1 и вновь подтверждаю о подавлении беспорядков и наведении порядка самыми энергичными, жестокими мерами. Прилагаю план г. Петрограда с нанесенными на нем местами казарм, фабрик и заводов и сведениями о численности гарнизонов, рабочих и их вооружения.

Генерал Крымов.
Начальник штаба г.-м. Дитерихс».

Упомянутый в последнем пункте предписания начальнику Кавказской Туземной конной дивизии «Приказ главнокомандующего Отдельной армией № 1» был напечатан в количестве всего семи экземпляров. Он должен был вступить в силу со дня его опубликования. В своем приказе генерал-лейтенант А.М. Крымов объявлял: «...город Петроград, крепость и город

Кронштадт, губернии Эстляндскую, Петроградскую и все губернии Финляндии на осадном положении».

Этим же приказом командующего Отдельной Петроградской армией во всем выше указанном районе, а также на флоте Балтийского моря учреждались военно-полевые суды. И одновременно устанавливались обязательные правила для населения.

Такие же, как направленные князю Багратиону, крымовские секретные предписания были переданы и начальникам 5-й Кубанской — в Могилеве, Уссурийской и 1-й Донской казачьим дивизиям — в Пскове.

Командовавший Уссурийской казачьей дивизией генерал-майор Губин получил секретное предписание вечером 27 августа от присланного к нему Крымовым офицера. В приказе дивизии говорилось следующее:

«...Двигаться до Красного Села, где и разгрузаться, объектом действий дивизии являются позиции на Красной Горке, в Старом и Новом Петергофе...

Под угрозой батарей на Красной Горке потребовать, чтобы матросы и солдаты покинули Кронштадт и прибыли в Ораниенбаум, где их арестовать, после чего занять Кронштадт своими караулами для водворения порядка».

В городе Великие Луки Корнилов планировал в считанные дни сформировать Кавказский Туземный конный корпус под командованием все того же князя Д.П. Багратиона. В него помимо «Дикой» дивизии должны были войти еще два конных полка для 2-й «Дикой» дивизии — Осетинский и 1-й Дагестанский. Сюда же должна была прибыть Осетинская пешая бригада, состоявшая из четырех батальонов. Такой конный корпус (в составе двух дивизий) в русской армии действительно будет создан, но уже после «корниловского мятежа».

К августу 1917 года в основном только казачьи части поддерживали воинскую дисциплину. Что же касается «Дикой» дивизии, то в Ставке полагали, что «кавказским горцам все равно кого резать».

Однако и Корнилов, и Савинков, и даже Керенский понимали, что этих сил — четырнадцати полков конницы и шести артиллерийских батарей — явно недостаточно, чтобы в край-

ней ситуации взять верх над огромным по численности петроградским гарнизоном. Поэтому из Финляндии под город Выборг была передислоцирована 5-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта С.В. Томашевского, входившая в состав 1-го конного корпуса.

Она состояла из четырех полков Кубанского казачьего войска: 1-го Таманского генерала Безкровного, 1-го Кавказского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, 3-го Екатеринославского и 3-го Линейного. Первые два полка перед Первой мировой войной составляли Закаспийскую казачью бригаду, которая дислоцировалась на территории современной Туркмении — в Каши и Мары. Дивизия имела две казачьи батареи: донскую и кубанскую.

Корнилов решил дополнить конницу пехотой, которая, собственно говоря, должна была составить основу Отдельной Петроградской армии. С этой целью еще 23 августа глава Ставки приказал главнокомандующим армиям фронтов: Северного — генералу от инфантерии В.Н. Клембовскому, Западного — генералу от инфантерии П.С. Балуеву и Юго-Западного — генерал-лейтенанту А.И. Деникину выделить по одной-две дивизии пехоты и несколько отдельных частей (ударных батальонов, «батальонов смерти», броневых автомобильных дивизионов и других). Однако приказание Корнилова, оказалось, не было выполнено в срок.

Для проведения операции генерал Корнилов создал сильный резерв, который располагался в Могилеве и поблизости от него. Это были его именной Ударный полк имени Корнилова в составе четырех полноценных батальонов, 1-й ударный революционный полк силой в три батальона, Георгиевский пехотный батальон, составленный из Георгиевских кавалеров-фронтовиков, имевших боевые ранения, и несший охрану Ставки, Текинский конный полк. Это были элитные части русской армии.

Всего по замыслу полководца Л.Г. Корнилова под Петроградом к концу августа должно было сосредоточиться свыше десятка пехотных и кавалерийских дивизий, много отдельных частей. Но все эти планы в основном так и остались на бумаге. Время и внутрисполитическая обстановка не позволили руководителям военного переворота, и прежде всего Корнило-

ву, собрать «серьезные» силы для противостояния столичному гарнизону в несколько сот тысяч вооруженных людей.

Корнилов рассчитывал и на «здоровые» силы в самом Петроградском гарнизоне, в столичном военном округе. Помимо нескольких тысяч офицеров, служивших в столице и специально откомандированных туда с фронта, рассчитывать можно было на военные училища и школы прапорщиков Петрограда, Ораниенбаума и Петергофа. Это давало еще несколько тысяч штыков.

В 1917 году в Петрограде действовали следующие училища: Павловское и Владимирское военные (пехотные), Николаевское кавалерийское, Михайловское и Константиновское артиллерийские, Николаевское инженерное и Военно-топографическое. В столице находилась также Петроградская школа прапорщиков инженерных войск. Юнкера уже не раз привлекались правительством к наведению порядка в столице. К ним можно было прибавить старшие классы пяти кадетских корпусов.

В ближних пригородах столицы были расположены шесть школ прапорщиков. В Ораниенбауме — две, в Петергофе — четыре. Кроме того, в городе и его окрестностях находились различные офицерские классы по переподготовке специалистов, авиационная школа, военно-автомобильная школа, квартировало несколько Донских отдельных и особых (ополченческих) казачьих сотен.

К прибытию на дальние подступы к столице крымских войск в Петрограде оказалось немало число фронтовых офицеров, откомандированных туда Ставкой. Прапорщик 274-го пехотного Изюмского полка Ф.И. Князев, например, рассказывал о том, как информировали в Могилеве направляющихся на берега Невы офицеров:

«Нас собралось 10—15 человек. Полковник закрыл дверь и сообщил нам следующее: в Петрограде обнаружен заговор большевиков, которые хотят устроить восстание темных масс, резню интеллигенции и офицеров, арестовать Временное правительство и объявить диктатуру пролетариата, затем это распространяется по другим городам и на фронт, после чего они предполагают открыть фронт и заключить с Германией сепаратный мир...

Кроме того, он заявил, что Керенский согласен передать власть генералу Корнилову на правах диктатора, причем будет сформирован новый кабинет...»

Подобные показания впоследствии дали на следствии и другие офицеры (к примеру, подпоручик 3-го гренадерского Перновского полка В.С. Денисенко), вызванные с фронта и посланные Ставкой в Петроград во второй половине августа. Этой работой по поручению Корнилова руководил полковник Генерального штаба В.М. Пронин, штаб-офицер для поручений в управлении генерал-квартирмейстера Ставки. Пронин вместе с полковником Лебедевым являлся одним из организаторов Союза офицеров армии и флота. Участник 1-го Кубанского «Ледового» похода белой Добровольческой армии. Был главным редактором официального органа правительства Юга России журнала «Военный голос».

Кроме того, к началу августовских событий в Петрограде существовали многочисленные патриотические общества. Среди них: Военная лига, Республиканский центр, Союз воинского долга, Союз «Честь родины и порядок», Союз «Организация духа», Союз добровольцев «Народной обороны», Общество «Единение», Союз «Армия чести», Союз спасения родины, Общество 1914 года, Организация князя Мещерского, «Общество государственной карты», Экономический клуб, Женский комитет и другие подобные организации.

Наиболее многочисленными и деятельными из них были первые два общества: Военная лига, которой руководил генерал-майор Федоров, и Республиканский центр. Этой организацией руководил инженер Николаевский, а его военным делом — полковник Генерального штаба Дюсиметьер.

В уставе Военной лиги было сказано, что она «имеет своей целью оказывать всемерное содействие и самую широкую поддержку к охранению, закреплению и усилению боеспособности Российской армии и флота, как оплота России и ее нового государственного строя от угрожающих им внешних врагов».

Республиканский центр, основанный в Петрограде в конце июня 1917 года, имел сильную материальную поддержку столичных торгово-промышленных кругов. Его программа выражалась в следующих четырех пунктах:

«1) водворить порядок и поддержать сильную власть в стране;

2) восстановить дисциплину в армии;

3) довести войну до победного конца, в согласии с союзниками;

4) довести страну до Учредительного собрания».

То есть, если исходить из реальности августовских дней 1917 года, Верховный главнокомандующий России генерал Л.Г. Корнилов мог в идеальном случае опереться на большие воинские силы. Но чтобы их собрать, требовались время, которого просто не было, и надежные, деятельные люди, которых у генерала просто не оказалось.

План овладения Петроградом конкретностью не отличался. От генерал-лейтенанта Крымова требовалось взять под контроль столицу и нейтрализовать петроградский гарнизон, стоявший на стороне Совета рабочих и солдатских депутатов, исполком которого возглавлял бдительный по отношению к «проискам контрреволюционеров» Чхеидзе. Первой мерой к ослаблению силы питерского Совета должна была стать отправка пяти резервных полков, в которых особенно сильно было влияние большевиков, на фронт, в окопы.

Пока приказами по телеграфу войска находились и отправлялись «в состав Отдельной Петроградской армии», в Могилеве, в корниловском кабинете, решался вопрос о составе нового российского правительства, который был назван Советом народной обороны. Сам Лавр Георгиевич рассказывал на следствии об этом эпизоде «корниловского мятежа» в своей «объяснительной записке» так:

«26-го вечером в моем кабинете собрались комиссар Филоненко, В.С. Завойко и А.Ф. Аладьин. Разговор снова коснулся тяжелого состояния страны и необходимости иметь во главе ее сильную власть. Я предложил им, считая их людьми, хорошо знающими наших наиболее выдающихся общественных деятелей, и имея в виду мои переговоры с г.г. Савинковым и Львовым, наметить такую схему организации власти и состава правительства, которая, включая в себя лучшие силы всех главных политических партий страны, могла бы дать ей правительство твердое, работоспособное, пользующееся полным доверием страны и армии.

Был набросан проект Совета народной обороны, с участием Верховного главнокомандующего в качестве председателя, А.Ф. Керенского — министра-заместителя, г. Савинкова, генерала Алексеева, адмирала Колчака и г. Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным.

На посту других министров намечались г.г. Тохтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатьев, Аладьин, Плеханов, князь Львов Г.Е., Завойко. За исключением князя Львова, Аладьина и Завойко, я с другими незнаком.

О моем взгляде о необходимой конструкции власти комиссар Филоненко в ту же ночь сообщил по прямому проводу г. Савинкову, что и подтверждено было последним в разговоре со мной по прямому проводу 27 августа».

В тот же вечер 26 августа у Корнилова состоялся разговор по прямому проводу с министром-председателем и князем В.Н. Львовым. К аппарату Лавра Георгиевича вызвал Керенский. Было подтверждено приглашение главе Временного правительства прибыть в эти тревожные дни в Могилев, под охрану верных Ставке войск. Такое приглашение получили от Верховного и Савинков со Львовым. Керенский пообещал выехать из Петрограда на следующий день «во всяком случае» развития событий.

Борис Викторович Савинков со всей решительностью «подталкивал» в Зимнем дворце Керенского к действиям. 26 и 27 августа он несколько раз повторял министру-председателю одну и ту же просьбу: подписать намеченные им и генералом Корниловым законопроекты. Но глава Временного правительства, казалось, все колебался и не мог решиться на такой политический шаг.

В конечном счете Савинков, этот великий мастер «плаща и кинжала», был выведен из терпения. В своей книге «К делу Корнилова», увидевшей свет в Париже в 1919 году, он писал:

«Я не понимал этих колебаний Керенского, не понимал, почему он 26-го не решается принять на свою ответственность то, с чем он согласился 17-го, но я знал, что отвергнуть законопроект — значит, дать Ставке повод к восстанию и тем положить конец надежде возрождения боевой способности армии.

Поэтому после доклада я попросил у Керенского разрешения поговорить с ним наедине. Я сказал, что отвергаемый им законопроект изготовлен по его приказанию, что нерешительность его преступна, что его слабование губит Россию и что если бы передо мною был не он, Керенский, то я бы разговаривал с ним другим языком.

Керенский, выслушав меня, взял законопроект, обещал его подписать в тот же день, 26-го вечером, представить на обсуждение во Временное правительство.

Я вышел из Зимнего дворца с уверенностью, что на этот раз достигнуто то, что казалось мне залогом спасения России. Но и на этот раз уверенность меня обманула...»

Колебания Керенского, объявившего Россию республикой, но не давшего этой республике конституцию, видятся по истечении почти целого столетия вполне ясно. Он не мог не понимать, что если за «обладание» Петроградом начнется настоящая вооруженная схватка, то она станет прологом Гражданской войны. Он полностью одобрял корниловский план «расчистки» столичного гарнизона, ставшего для правительства почти неуправляемым. Не говоря уже о близком радикально революционным Кронштадте.

Конец колебаниям Керенского положил, как это ни странно, не напористый эсер-боевик Борис Савинков, а князь Львов, только что приехавший из Ставки и прямо с вокзала прибывший в штаб министра-председателя в Зимнем дворце. Львов сразу же поразил Керенского:

— Александр Федорович. Я должен вам передать формальное предложение.

— От кого?

— От генерала Корнилова.

— Что это за формальное предложение?

— Это план введения в Петрограде военного положения. Это ультиматум вам.

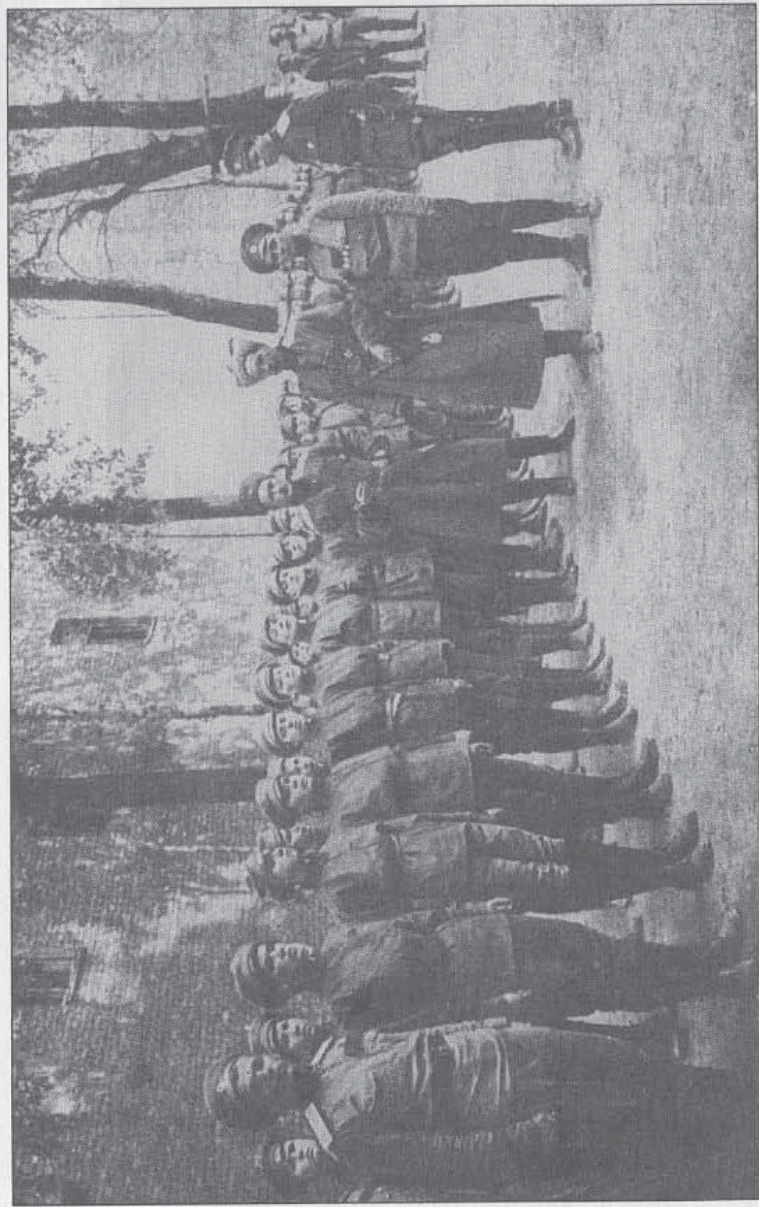
Слово «ультиматум» и решило все многодневные колебания Керенского. Более того, именно это слово стало той точкой опоры и отсчета созданного волей министра-председателя «Дела Корнилова» или дела о «корниловском мятеже». Глава Временного правительства в одночасье понял, что быть и дальше союзником генерала Корнилова опасно для жизни.

Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов

Русские солдаты в походе. Один из эпизодов Первой мировой войны

Смотр женского «батальона смерти» в Петрограде.
Вторая справа — М.Л. Бочкарева, третий справа — генерал П.А. Половцев

Солдаты и офицеры Петроградского гарнизона.
В июле 1917 года они не поддержали левых экстремистов.
В центре — заместитель Л.Г. Корнилова генерал П.А. Половцев

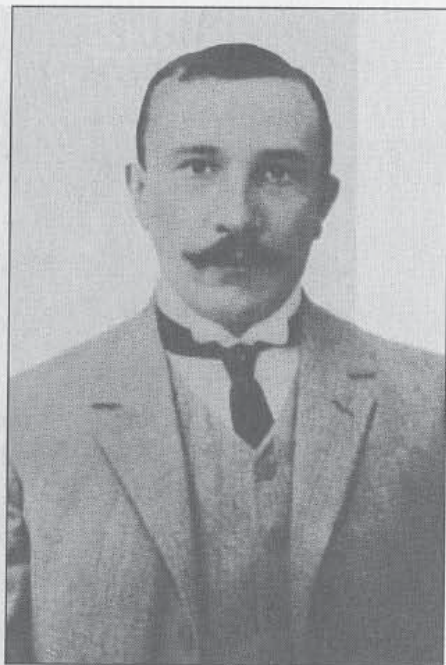

Встреча Л.Г. Корнилова в Москве
на Александровском (ныне Белорусском) вокзале

Снимок: Г. С. Соловьев. Фотохроника событий Великой Отечественной войны. М.: Центральный архив Министерства обороны. 1995. С. 102.

А.Ф. Керенский

Б.В. Савинков

Союз Георгиевских кавалеров выступил в поддержку Л.Г. Корнилова

Большевики стали создавать из петроградских рабочих дружины для борьбы с корниловским движением

Застава противников корниловского движения под Петроградом

Братание солдат «дикой» (Кавказской туземной) дивизии с солдатами революционных частей

Задержка эшелона генерала А.М. Крымова под Петроградом.
Рисунок И. Владимирова

Генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин

назад: [рисунок](#) | [текст](#) | [информация](#) | [данные](#)

Генерал от кавалерии Иван Георгиевич Эрдели

Защитник отряда генерал А. М. Кривошеин, полк. Пандуровский,
Российский И. Владимирович

Ротмистр Петр Николаевич Врангель в 1914 г.
К концу Гражданской войны на Юге России барон
Врангель являлся генерал-лейтенантом, командующим
Белой армией в Крыму

А.И. Деникин

А.С. Лукомский

М.В. Алексеев

А.П. Кутепов

А.П. Богаевский

В. М. Чернецов

Н.Н. Духонин

Султан-Шахим-Гирей

А.П. Филимонов

И.П. Романовский

Генерал-майор В.Л. Покровский

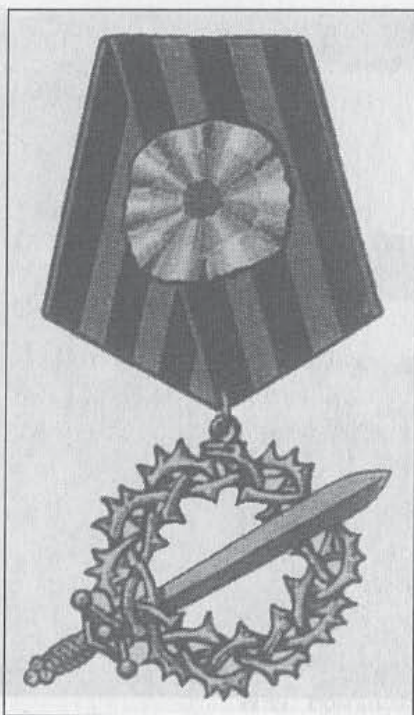
Полковник М.Н. Левитов

Дети генерала Корнилова, Юрий и Наталья

Генерал-лейтенант С.Л. Марков

Медаль за «Ледяной поход»
в 1918 году

Знак Корниловского ударного полка

Керенский был опытным юристом. Он попросил князя Львова изложить корниловский «ультиматум» на бумаге. Так на свет появилось письменное свидетельство против мятежного генерала Л.Г. Корнилова. Вот его краткое содержание:

«Генерал Корнилов предлагает:

1. Объявить г. Петроград на военном положении.
2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.
3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховного главнокомандующего.

Петроград.
Август 26, 1917 г.
В. Львов».

Эта львовская записка стала для социалиста-революционера Александра Федоровича Керенского козырной картой не в борьбе с «корниловским мятежом», а в сохранении возможности удержаться на гребне государственной власти еще месяц с небольшим. И не больше. Имея на руках «ультиматум» Верховного главнокомандующего, можно было обвинять своего единомышленника генерала Корнилова уже не только в «бонапартизме», но и в попытке установить в России личную, военную диктатуру.

Корнилов действительно требовал объявить Петроград на военном положении и передать в его руки всю полноту власти, отставки всех «временных» министров, не исключая самого министра-председателя, «приложившего руку» к развалу государства и армии.

Теперь Керенский понял, какую «стратегическую» ошибку (ошибку ли?) он совершил, одоблив при свидетелях корниловский план «расчистки» Петрограда. Ведь последовательный в своих действиях генерал (один из немногих, кому Временное правительство в 1917 году присвоило высшее генеральское звание), введя верные ему войска, мог установить военную диктатуру.

На заседании кабинета министров Корецкий ошеломил своих коллег сообщением о начавшемся «корниловском мятеже». 27 августа среди «временных» произошел раскол. Четыре министра от конституционно-демократической партии (кадеты) подали в отставку, вызвав тем самым правительственный кризис. Позднее левые обвинили их в том, что они хотели расчистить генералу Корнилову путь к захвату власти. Существовало другое мнение: кадеты с портфелями министров (Кокоскин, Юренев, Ольденбург и Карташев) подталкивали Керенского к сосредоточению в своих руках еще большей власти, чтобы противостоять партии большевиков.

Керенский переговорил с Главой Ставки по прямому проводу. Те телеграфные ленты, «отстуканные» на аппарате Юзе, сохранились до наших дней:

«Керенский. — Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

Корнилов. — У аппарата генерал Корнилов.

Керенский. — Здравствуйте, генерал. У аппарата Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

Корнилов. — Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

Керенский (за Львова. — *А.Ш.*). — Я — Владимир Николаевич, Вас спрашиваю — то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверять.

Корнилов. — Да подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу прибыть в Могилев.

Керенский (теперь уже за себя. — А Ш.). — Я — Александр Федорович. Понимаю Ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем...»

Далее события в столице, вернее — в Зимнем дворце, развивались так. В Малахитовом зале в полном составе собралось Временное правительство, ожидая уже не первый час выхода Керенского. Вместо этого Керенский вызвал к себе Савинкова. В своей книге «К делу Корнилова» Савинков так описывал происходившее в кабинете министра-председателя:

«...Прочитанный мною ультиматум мне показался мистификацией. Но Керенский сказал, что он проверил заявление Львова по прямому проводу у генерала Корнилова и в доказательство показал мне ленту своего разговора. В ленте этой не содержалось текста ультиматума, предъявленного Львовым. Керенский спрашивал кратко, подтверждает ли генерал Корнилов то, что говорил Львов, и генерал Корнилов ответил: «Да, подтверждаю».

Ни тогда, ни после, ни теперь я не понимал и не понимаю, как мог Керенский в деле столь огромного государственного значения ограничиться таким неопределенным вопросом, и я не понимал и не понимаю, как мог генерал Корнилов подтвердить то, содержание чего ему не было и не могло быть известно.

Я был убежден, что в основе происходящего лежит недоразумение. Генерал Корнилов, я в этом не сомневался, не принимал участия в заговоре. Три дня назад он уверял меня, что будет верно служить Временному правительству. За три дня не случилось ничего, что могло бы поколебать его решение...

Чувствуя, что происходящее недоразумение может вызвать события неопределенные, я посоветовал Керенскому сговориться с генералом Корниловым. Но Керенский возразил, что поздно сговариваться. Он сказал, что им уже послана телеграмма Корнилову с отрешением его от должности и с приказом покинуть армию.

Не могу не отметить, что телеграмма эта по содержанию была незаконной, ибо не министр-председатель, а только Временное правительство имело право сместить Верховного главнокомандующего, по форме же она была телеграммой част-

ной, ибо была без номера, без второй, скрепляющей, подписи, за одну подписью «Керенский», без звания «министр-председатель», и была адресована не «главковерху в Ставку», а «генералу Корнилову в Могилев».

Первоначально телеграмму Керенского об отрешении Лавра Георгиевича от должности Верховного в Ставке восприняли как «недоразумение». Правительственный комиссар М.М. Филоненко даже связался по прямому телеграфному проводу с Савинковым. Тот подтвердил подлинность и точность полученной в Ставке телеграммы. Тогда Филоненко за своей подписью отправил в Петроград телеграмму следующего содержания:

«Временному правительству.
Управляющему
Военным министерством.

Считаю долгом сообщить, что принятое правительством решение о смене генерала Корнилова в обстановке данного политического момента вызовет такую аварию и волнение в армии, что фронт будет открыт и каковым бы ни был исход, Гражданской войны, каковая неизбежно начнется, следствием ее будет сепаратный мир с немцами и, по крайнему моему убеждению, снова восстановление самодержавия на осколках вассального государства, которое останется от Великой России. Победителей в этом междоусобии не будет, так как тот, кто бы им оказался, завтра будет рабом немцев.

Только в последнюю минуту я настаиваю на необходимости приостановки отставки генерала Корнилова правительством. Необходимо также свидание министра-председателя и генерала Корнилова. Только если это отсрочит Гражданскую войну и гибель России на один день — беды нет. Полная безопасность приезда и отъезда министра — гарантируется честным словом генерала Корнилова и Лукомского».

...После резкого разговора с Борисом Савинковым, Керенский наконец явился в Малахитовый зал и предстал перед кабинетом министров. Он вкратце проинформировал присутствовавших о начале «корниловского мятежа».

После этого он заявил, что отдал приказ арестовать князя Львова как полномочного представителя мятежного Верхов-

ного главнокомандующего в столице, что своим решением он уволил — «отрешил» генерала-бунтовщика Корнилова от занимаемой должности, а в конце потребовал предоставить ему чрезвычайные полномочия, а также право сократить число «временных» министров.

К 5 часам утра большинством голосов Временное правительство предоставило Керенскому «диктаторские полномочия». Так что теперь генерала Корнилова можно было назвать уже «несостоявшимся диктатором».

Наделенный диктаторскими полномочиями Керенский действовал решительно. Он приказал главнокомандующему армиями Северного фронта задержать все воинские эшелоны, следующие со стороны фронта к столице.

Содержание приказа Керенского стало сразу же известно в Ставке. На копии телеграммы генерал Корнилов написал:

«Приказания этого не исполнять».

Из Могилева в штабы Северного, Западного и Юго-Западного фронтов полетело корниловское приказание продолжать движение войск к Петрограду. Корнилов стремился парализовать приказы Керенского, который требовал от местных Советов и железнодорожников, ряда гарнизонов всеми мерами блокировать продвижение войск генерала Крымова к Петрограду. Корнилов требовал «безусловного исполнения» только своих распоряжений и предупреждал, что в случае неповиновения будет «качать беспощадно».

Утром 27 августа в экстренных выпусках ряда столичных газет генерала Корнилова уже называли государственным преступником, мятежником, бонапартистом, решившим установить в России военную диктатуру. Естественно, содержание этой информации в тот же день стало известно в Могилеве.

Все последующие дни столичная пресса левого толка публиковала материалы, обличавшие корниловцев и их вождя. Только отдельные газеты пытались объяснить попытку военного переворота каким-то недоразумением. В числе их оказалась рупор партии кадетов «Речь». Но и она в ближайшие дни не смогла поддержать генерала Корнилова.

Ее номер за 30 августа вышел с бросающимся в глаза белым пятном, где должен был стоять материал в защиту гене-

рала Корнилова, снятый с набора в самый последний момент. Однако в архивах эта передовая статья сохранилась. Вот отрывок из нее:

«...Что ответить на обвинение, квалифицирующее происходящие события как заговор против революции, цель которого — избавление от насилия демократии? Генерал Корнилов — не реакционер, его цели не имеют ничего общего с целями контрреволюции, это явствует из его определенного заявления, простотой своей как нельзя лучше характеризующего бесхитростный ум и сердце солдата.

Генерал Корнилов ищет путей довести Россию до победы над врагом и к выражению народной воли в будущем устройстве Учредительного собрания. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальных целей, что мы говорили в тех же самых выражениях задолго до генерала Корнилова...

Мы не боимся сказать, что генерал Корнилов преследовал те же цели, какие мы считаем необходимыми для спасения родины...»

На эти газетные выступления генерал Корнилов ответил собственным заявлением, известным как «Манифест к русскому народу», в котором Корнилов объявлял, что берет власть в свои руки, и призывал не исполнять распоряжения Временного правительства. Корниловское заявление было разослано циркулярной телеграммой по линиям железных дорог и всем начальствующим лицам и учреждениям. Но документом широкой гласности оно в те дни, разумеется, не стало.

«Манифест к русскому народу» начинался с обращения Корнилова от себя лично (только лично), как сына казака-крестьянина, к каждому, кому была дорога честь России. Уже сам этот факт говорил о том, что Верховный главнокомандующий пытался найти сочувствие и поддержку в народных массах, в солдатской среде, а не только у своих приверженцев.

В мемуарах, изданных в Париже, Борис Савинков вспоминал о тех последних августовских днях 1917 года:

«Ночь с 26-го на 27-е и половину дня 27-го я провел в беседах по прямому проводу с Филоненкой и генералом Корниловым. Керенский предлагал объявить о восстании генерала Корнилова немедленно, и этого же мнения держался министр

финансов Некрасов, но остальные члены Временного правительства и некоторые общественные деятели... многократно настаивали перед Керенским на необходимости ликвидировать недоразумение и сговориться с генералом Корниловым...

...Я приказывал Филоненко немедленно покинуть Ставку и приехать в Петроград, генерала Корнилова же убеждал во имя блага родины подчиниться Временному правительству... Генерал Корнилов ответил мне отказом ..

Некрасов встретил меня (в Зимнем дворце — *А.Ш.*) словами, что он уже приказал опубликовать о выступлении, или, держась официального текста, об «измене» генерала Корнилова. Он сказал мне, кроме того:

«Пока вы разговариваете по поводу, ингуши подходят к Петрограду».

Свершилось непоправимое. Инцидент не был ликвидирован в Зимнем дворце, недоразумение разрослось до размеров вооруженного выступления, и вся Россия была оповещена о том, что генерал Корнилов «мятежник».

В ночь на 28-е генерал Алексеев, Терещенко и я уже безнадежно обсуждали вопрос, как потушить разгорающийся пожар, а утром я спросил Керенского, понимает ли он, что армия после удара, нанесенного ей, погибнет. Керенский мне ответил, что армия не погибнет и что, напротив, воодушевленная победой над контрреволюцией, она ринется на германцев и победит...»

Дальнейшие события сам генерал Корнилов изложил в «объяснительной» записке следственной комиссии по делу о «корниловском мятеже», данной в книге бывшего генерал-лейтенанта Мартынова как приложение:

«Я ждал, что 27 августа министр-председатель выедет в Ставку. Утром 27 августа я получил телеграмму за подписью «Керенский», но без номера, с указанием сдать временно должность Верховного главнокомандующего генералу Лукомскому и, не ожидая прибытия нового Верховного главнокомандующего, выехать в Петроград.

Зная, что в Петрограде накануне рассматривался, в заседании Временного правительства, проект распространения закона смертной казни во внутренние округа России, что должно было сильно отразиться на боеспособности армии в благо-

приятную сторону и обуздать анархические выступления левых партий, я пришел к убеждению, что правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь предложенной мной программы оздоровления армии, решило устранить меня, как главного инициатора указанных мер.

Ввиду тягчайшего положения страны и армии, я решил должности Верховного главнокомандующего не сдавать и выяснить предварительно обстановку. Объявив об этом генерал-лейтенанту Лукомскому, я спросил его, намерен ли он принять от меня обязанности Верховного главнокомандующего. Генерал-лейтенант Лукомский доложил мне, что при настоящих тяжелых условиях страны и армии он не считает возможным заменить меня на посту Верховного главнокомандующего и доложил мне проект его телеграммы Временному правительству за № 6406.

Одобрив проект этой телеграммы, я приказал мое решение и решение генерал-лейтенанта Лукомского довести до сведения главнокомандующих армиями всех фронтов, что и было сделано в телеграмме генерал-лейтенанта Лукомского от 27 августа за № 6412. В 5 час. 50 мин. дня того же 27 августа я переговорил по прямому телеграфному проводу с управляющим Военным министерством г. Савинковым, которому заявил, что ввиду создавшихся условий я не считаю возможным уйти со своего поста.

28 августа мне была доложена копия телеграммы министра-председателя за № 710 на имя генерала Клембовского о назначении его временно исполняющим обязанность Верховного Главнокомандующего, с оставлением его в Пскове и с исполнением должности главнокомандующего армиями Северного фронта. На эту телеграмму я наложил следующую резолюцию:

«Прошу генерала Клембовского срочно уведомить меня о его решении, так как на основании вчерашней телеграммы мной уже принято определенное решение, отмена которого явится причиной больших потрясений в армии и стране. Генерал Корнилов. 28 августа 1917 года».

28 августа Временное правительство объявило меня изменником родины и потребовало отмены приказа о движении частей 3-го конного корпуса, сосредоточивавшегося в окрестностях Петрограда.

Имея в виду:

1) предыдущее распоряжение того же Временного правительства о направлении 3-го конного корпуса к Петрограду для подавления большевистского движения,

2) принципиальное согласие Временного правительства на предложенную мной программу мер для оздоровления армии,

3) беседы с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым,

4) сведения об усилении давления Совета С. и Р.Д. на Временное правительство, — я пришел к выводу, что правительство окончательно подпало под влияние (Петроградского. — А.Ш.) Совета, для борьбы с которым правительство само же вызвало войска. А потому, опираясь на заявления главнокомандующих Северным, Западным, Юго-Западным и Румынским фронтами в телеграммах за № 574 А, 10 459, 493 и 145 (копии прилагаются), я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его:

1) исключить из своего состава тех министров, которые, по имеющимся у меня сведениям, были явными предателями Родины, и

2) перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть.

Для оказания давления на Временное правительство я решил воспользоваться 3-м конным корпусом генерала Крымова, которому я приказал продолжать сосредоточение к Петрограду...»

В Ставке на объявление Верховного главнокомандующего мятежником и изменником отреагировали так. Дежурный арестовал одного из помощников правительственного политического комиссара поручика М.М. Филоненко. Узнавший об этом Лавр Георгиевич немедленно приказал освободить арестованного, вернуть ему личное оружие и лично извинился перед ним за случившееся.

28 августа Корнилову и его единомышленникам в Ставке показалось, что положение складывается в их пользу. В Могилеве стало известно содержание телеграмм четырех главнокомандующих армиями фронтов (А.И. Деникина, В.Н. Клембовского, П.С. Балужева и Д.Г. Щербачева). Все они решительно

высказались перед Временным правительством против смещения мятежного Корнилова с поста Верховного главнокомандующего.

Полученные А.Ф. Керенским телеграммы главнокомандующих армиями четырех фронтов произвели на министра-председателя самое неблагоприятное впечатление. Он понимал, что все эти четыре генерала являются для него «корниловцами». Наиболее прямолинейной и решительной оказалась телеграмма с Юго-Западного фронта:

«Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главковерха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду.

27 августа. № 145
Генерал Деникин»

На следующий день, 28 августа, в Петрограде была получена телеграмма главнокомандующего Западным фронтом генерала от инфантерии П.С. Балужева:

«Военному министру.

В телеграмме по должности командарма 2-й, еще от 12 июля, я высказал, при каких условиях возможно поднять боевую способность армии и тем спасти Россию. В отношении мер, какие должны быть приняты, я вполне согласен с генералом Корниловым. Сегодня получил телеграмму, что генералу Корнилову приказано сдать должность главковерха. Считаю уход генерала Корнилова гибелью для армии и

России, во-первых, потому, что генерал Корнилов всегда самоотверженно, всем сердцем и искренне работал на благо родины и единственный человек в России, способный своей железной волей водворить в армии порядок, а во-вторых, увольнение его показывает, что проектируемые меры правительством не принимаются; между тем, нынешнее положение России требует безотлагательного принятия исключительных мер, и оставление генерала Корнилова во главе армии является настоятельно необходимым, несмотря ни на какие политические осложнения.

28 августа. № 10 459.
Генерал Балухев».

Одновременно с этой телеграммой Керенский получил телеграмму из Ясс, где находился штаб румынского фронта. Формально им командовал король Фердинанд I румынский. В действительности же главой фронта был русский генерал Дмитрий Григорьевич Щербачев, занимавший должность Августейшего главнокомандующего армиями румынского фронта. Он телеграфировал в Петроград:

«Военному министру.

Считаю смену Верховного командования в настоящее особенно трудное время, которое переживает Россия, — крайне опасной в военном отношении. С другой стороны, вполне разделяя меры, предложенные генералом Корниловым для поднятия дисциплины в целях восстановления боеспособности армии, считаю долгом совести заявить, что смена генерала Корнилова неминуемо губительно отразится на армии и защите России. Обращаюсь к вашему патриотизму — во имя спасения родины сохранить армию от раскола.

28 августа 1917 г. Яссы. № 493.
Щербачев».

К тому же глава Северного фронта генерал от инфантерии В.Н. Клембовский отклонил предложение министра-председателя Керенского (сделанное после отказа генерал-лейтенанта

Лукомского) занять место генерала Корнилова. В телеграмме из Пскова говорилось:

«Военному министру.

От главковерха получил телеграмму, что я назначаюсь на его место. Готовый служить родине до последней капли крови, не могу во имя преданности и любви к ней принять эту должность, так как не чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время. Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целости родины и свободе повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии.

28 августа. № 574/А.
Клембовский».

И в довершение начальник штаба Ставки генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, известный своим высоким пониманием служебного долга, дал министру-председателю на его предложение занять пост главы Ставки следующий телеграфный ответ:

«Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к Гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова ведет за собой ужасы, которые Россия еще не переживала.

Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

Только главнокомандующий недавно образованного из Отдельной армии Кавказского фронта генерал М.А. Пржевальский, сменивший на этом посту одного из лучших русских полководцев Первой мировой войны Н.Н. Юденича, снятого за несогласие с «временными», был «за». Он заявил в телеграм-

ме из крепости Карс, что «он лично и кавказские войска» всецело находятся на стороне Временного правительства.

Такое же телеграфное послание в Зимний дворец пришло и от командующего Московским военным округом полковника А.И. Верховского. Командующие флотами Балтийского и Черного морей по этому вопросу правительством не запрашивались.

Сам А.Ф. Керенский в своей мемуарной работе «Дело Корнилова» писал, что во время августовского путча был критический для него момент, когда он практически остался в одиночестве. Тогда вокруг него создалось такое положение, когда многие полагали «более благоразумным быть подальше от гиблых мест».

Как вспоминал глава российского Временного правительства, 28 августа и первая половина 29-го стали временем «наибольших колебаний, наибольших сомнений в силе противников Корнилова, наибольшей нервности в среде самой демократии».

Немалое уныние в душе Керенского мог посеять в последние августовские дни его министр иностранных дел М.И. Терещенко. Он получил на свое имя из Могилева пространную телеграмму. Ее отправил, с одобрения генерала Корнилова, начальник дипломатической канцелярии в Ставке князь Трубецкой. Он информировал своего шефа в следующем:

«Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его сторону станет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организмов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев населения, а в низах растущее недовольство существующими порядками, в большинстве же народной и городской массы, притупившейся ко всему, равнодушие, которое подчиняется удару хлыста...

От людей, ныне стоящих у власти, зависит, пойдут ли они навстречу неизбежному перелому, чем сделают его безболезненным и охранят действительные залогов народной свободы, или же своим сопротивлением примут ответственность за новые неисчислимыя бедствия. Я убежден, что только безотла-

гательный приезд сюда министра-председателя, управляющего военным министерством, а также Ваш для совместного с Верховным главнокомандующим установления основ сильной власти может предотвратить грозную опасность междоусобия».

Терещенко, получив телеграмму, сознательно не показал ее Керенскому. Вероятнее всего, он посчитал это дело совершенно бесполезным для «временных». Министр-председатель познакомился с «дипломатическим посланием» из Могилева только после подавления «корниловского мятежа».

Как описывали очевидцы, в последние августовские дни многоликий Петроград как-то притих, словно оцепенел перед грядущими событиями. По городу ходили взаимоисключающие слухи. Обывателей пугал слух, что на столицу идет какая-то «Дикая» дивизия, состоящая из «горских головорезов». Здания не только Петроградского, но и районных Советов ошетинились пулеметами, их охраняли красногвардейцы и солдаты.

О том, что писалось в петроградских газетах в последние августовские номера, можно судить по «оперативной» информации на первой полосе газеты «Русское слово». Публикуемые сведения о наступлении корниловских войск были не только сильно преувеличены, но в немалой части грешили необъективностью:

«12 с половиной часов дня 28 августа. Правительство получило сведения, что отряд, присланный генералом Корниловым, сосредоточился вблизи Луги».

«2 с половиной часа пополудни. Получены сведения, что через станцию Оредеж проследовало девять новых поездов с войсками Корнилова. В головном поезде находится железнодорожный батальон. Авангард этих войск продвинулся до станции Семрино (45 километров от Петрограда). Железнодорожная часть и саперы разрушили баррикады, сооруженные на полотне по приказу Временного правительства. Часть войск генерала Корнилова, как выясняется, проследовала на Северо-Западную дорогу, другая движется по Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороге. Головной поезд генерала Корнилова прошел Вырицу (59 километров от Петрограда). Принимаются меры по исправлению испорченного пути на ст. Семрино. Ожидается, что с прибытием последующих поездов,

которые уже подходят к Ореджу, кавалерийские части пойдут к Петрограду по шоссе».

«3 часа пополудни. По телефону из Луги получено сообщение, что Лужский гарнизон сдался войскам генерала Корнилова и выдал все оружие. Станция и все правительственные здания Луги заняты войсками Корнилова».

«6 часов вечера. Войска генерала Корнилова прошли Лугу и по шоссе направляются к ст. Тосно. По-видимому, войска генерала Корнилова пытаются окружить Петроград со всех сторон».

«11 с половиной часов вечера. Правительственные войска вошли в соприкосновение с войсками генерала Корнилова на ст. Антропшино Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (33 километра от Петрограда). С минуты на минуту ожидается начало боя».

«2 часа ночи на 29 августа. В Штаб округа поступило донесение, что у станции Антропшино начался бой между правительственными и корниловскими войсками. С обеих сторон есть убитые и раненые...»

28 августа в столицу пришли из Могилева настораживающие Зимний дворец вести. Они свидетельствовали, что глава Ставки настроен действительно по-боевому.

Во-первых, генерал Корнилов приказал объявить город Могилев, в котором размещался верный ему гарнизон, и 10-верстную зону вокруг него на осадном положении.

Во-вторых, был издан приказ за подписью Верховного главнокомандующего и могилевского коменданта полковника Самарина-Квашнина. В силу этого приказа местный Совет рабочих и солдатских депутатов прекращал свою деятельность. Комитетчикам пришлось на несколько дней уйти в подполье.

И в-третьих, Корнилов провел смотр войскам могилевского гарнизона, выступив перед солдатами и офицерами с речью. Гарнизон на то время состоял, не считая штабных подразделений, из Корниловского ударного полка (три батальона) капитана Неженцева, Текинского полка (пять сотен) полковника фон Кюгельгена и Георгиевского пехотного батальона полковника Тимановского.

Белоэмигрант полковник Добровольческой армии В.А. Арон так вспоминал об участии Текинского конного полка в «корниловском мятеже»:

«24 августа генерал Корнилов произвел полку смотр. В двух-трех верстах от города полк выстроился развернутым фронтом по опушке леса. Хорошее ясное утро. Около 9 часов подъехал автомобиль, из которого вышел генерал Корнилов. Свиты не было. Сопровождали Верховного комендант Ставки полковник Квашнин-Самарин и адъютант. Генералу подвели лошадь, он сел и подъехал к фронту. Трубаچی заиграли «Встречу», командир полка полковник Кюгельген рапортовал. Поздоровавшись с полком, объехав фронт, Верховный вызвал 2-й эскадрон, приказал произвести эскадронное ученье. После этого пропустил полк мимо себя церемониальным маршем, поблагодарил за ученье и вызвал к себе господ офицеров, обратившись к ним с кратким словом. Общий смысл обращения заключался в том, что наступают решительные дни, Родина и армия идут к гибели. Всякий честный патриот должен быть готовым к борьбе.

— Готовы ли вы? — задал вопрос генерал Корнилов.

Офицеры, как один, хором ответили:

— Так точно!

Верховный простился с нами и уехал. Возвращался полк в приподнятом настроении. Всадники — довольные, что видели своего «Уллу-Бояра» в добром здравии, а мы, офицеры, — довольные его доверием с обращенными к нам словами.

События не заставили себя долго ждать. 27 августа генерал Корнилов выпустил известное свое воззвание в ответ на телеграмму Керенского, объявившего Верховного «изменником Родины». С этого дня охрана города Могилева перешла всецело в ведение Текинского полка. Кроме нас и батальона георгиевцев, в Могилеве находились Корниловский ударный полк и 1-й Сибирский казачий полк, скоро, впрочем, ушедший восвояси.

По Могилеву в эти дни распространялись всевозможные слухи. Много злобы изливалось в них и на наших текинцев. На них возводились даже обвинения в учиняемых ими якобы насилиях и грабежах. Хотя эти наветы нервировали и офицеров, и всадников, но дисциплина держалась крепко.

30 августа, с утра, мой 4-й эскадрон выступил по Гомельскому шоссе. Мне приказано было подготовить к взрыву небольшой каменный мост через заболоченную балку, в 7—8 вер-

стах от города, и взорвать его в момент приближения автомашин, следующих на Могилев. Мера эта, как и разъезды во всех направлениях от города, была вызвана тем, что Керенский, теперь уже главковерх, решил направить карательные отряды в Могилев для ликвидации Ставки.

В этой охранной службе прошло два дня. Мы издали наблюдали, как на луг садился прилетевший со стороны Киева аэроплан... Какие вести он принес и от кого? До нас стали доходить самые невероятные слухи, будто весь Юго-Западный фронт идет на помощь к генералу Корнилову. Но пока двигался с какими-то частями... товарищ Муралов.

31 августа в Ставку прибыл генерал Алексеев. К вечеру этого дня я получил приказание вернуться в расположение полка, предварительно разоружив предназначенный к взрыву мост...»

Пока между могилевской Ставкой и штабом министра-председателя в Зимнем дворце шли взаимные переговоры по прямому проводу, пока министры Временного правительства в кулуарах обсуждали складывающуюся ситуацию, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов перехватил инициативу в борьбе с «корниловским мятежом». Левые партии на всю Россию (адресуясь прежде всего к столичному гарнизону и заводам) выдвинули лозунг:

«Революция в опасности! К оружию!»

Левая пресса, большевистские агитаторы уже 27 августа обратились к трудовому народу с призывом встать на защиту революционных завоеваний. Одновременно Временное правительство обвинялось в слабости и шатаниях, и звучали призывы не поддерживать больше Керенского.

Резервные полки и другие запасные части столичного гарнизона, до этого, прямо скажем, не горевшие «революционным стремлением» защитить новую Россию на фронте, дружно решили защищать красный Петроград от корниловцев в лице... одного-единственного конного корпуса. Причем на митингах выказывалось небывалое до того единодушие.

Но это было еще не все. На предприятиях Петрограда и в его городских районах (сторонах) стали создаваться многочисленные красногвардейские отряды, которые получали на гарнизонных складах винтовки и патроны. На улицах столицы стали возводить баррикады.

В противостоянии с мятежной Ставкой Керенский попытался перехватить инициативу. Он назначил Чрезвычайную следственную комиссию в составе государственного морского прокурора И.С. Шабловского и двух военных юристов (чиновников) в звании полковников — Р.Р. Раупаха и Н.П. Украинцева. Им было приказано незамедлительно выехать в Ставку, чтобы на месте допросить генерала Корнилова, который должен был к их приезду арестован. Но пока не знали кем (эта роль министром-председателем будет возложена на генерала М.В. Алексева).

Когда Чрезвычайная следственная комиссия прибыла в Могилев, генерал Корнилов сразу же принял ее. На первые дознавательные вопросы комиссии он просто показал морскому прокурору и двум его товарищам текст своего соглашения с Савинковым об отправке на Петроград 3-го конного корпуса, а также ленту своего последнего разговора с Керенским по прямому проводу 26 августа.

К слову сказать, все члены следственной комиссии симпатизировали генералу, о чем свидетельствуют материалы «дела о корниловском мятеже». Причиной этого можно считать «личное знакомство» военных юристов, особенно морского прокурора, с положением на фронте и на революционном Балтийском флоте.

Генерал Корнилов отверг все выдвинутые против него обвинения в государственной измене. Его заявление было передано по радио (искровой станции) 28 августа в 5 часов 30 минут утра. Единомышленник Корнилова и боевой соратник по белой Добровольческой армии генерал-лейтенант А.И. Деникин, уже находясь в эмиграции, опубликовал в своих знаменитых «Очерках русской смуты» это обращение смещенного Верховного главнокомандующего России:

«Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины.

Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Совета, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ, — путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Керенский понимал, что в складывающейся ситуации необходимо как можно скорее арестовать Корнилова. С арестом смещенного главы Ставки большевистски настроенный Петроградский Совет оказывался как бы не у дел. «Корниловский мятеж» оказывался без головы, и действительные корниловцы должны были отступить, то есть отказаться от своих намерений.

Но кому доверить, кому поручить арест Корнилова. Это мог сделать только человек, пользовавшийся в рядах русской армии большой личной популярностью и авторитетом. Выбор Керенского, и — надо сказать — верный, выпал на генерала Михаила Васильевича Алексеева. Бывший Верховный главнокомандующий России (третий по счету) в то время, по сути дела, оставался «без генеральской работы», формально числясь военным советником Временного правительства.

В голове у Керенского созрел действительно наполеоновский план. Он объявляет себя Верховным главнокомандующим, назначает самого себя на эту должность, а в могилевскую Ставку направляет с соответствующим правительственным мандатом генерала Алексеева, назначенного начальником ее штаба. Для этой роли главный российский стратег Первой мировой войны подходил лучше, чем кто-либо. И ко всему прочему он имел большой личный авторитет среди генералитета и офицеров русской армии.

Алексеев, получив все полномочия на арест в Могилеве Корнилова и его единомышленников, убывает из Петрограда. А под российской столицей в ожидании «атак» корниловских войск события развивались так.

В конце августа в Петрограде проходил съезд мусульманских народностей России. Когда его делегаты узнали о «корниловском мятеже», то они решительно встали на сторону законной власти, то есть Временного правительства. Представители мусульманского населения увидели в попытке военного переворота стремление восстановить в стране монархию Романовых. Съезд и Петроградский совет послали в «Дикую» дивизию своих представителей и агитаторов.

Стоявший на позициях партии большевиков Балтийский флот тоже выслал в корниловские войска своих агитаторов. Ими оказались 100 матросов 2-го Балтийского флотского экипажа, ранее служивших в конной «Дикой» дивизии пулеметчиками. Они считались среди кавказцев «своими», и потому слова недавних фронтовиков в матросских бушлатах оказались достаточно убедительными для их слушателей.

Кавказских горцев быстро уговорили встать на сторону Временного правительства и не поддерживать своими шашками смещенного со своего поста генерала Корнилова. В результате такой агитационной акции Кавказская Туземная конная дивизия «встала» на полпути к петроградским городским окраинам.

Командир «Дикой» дивизии князь Багратион двигал свои эшелоны к столице, не имея никакой информации о том, что происходило в Ставке, как продвигался конный корпус Крымова. Он лишь слепо выполнял указания генерал-лейтенанта Крымова, который тоже не владел достоверной информацией, которая менялась не по дням, а по часам.

На 28 августа часть передовых эшелонов Кавказской Туземной конной дивизии уже прибыла на станцию Дно. Там генерал Багратион узнал, что эшелоны с полками Уссурийской казачьей дивизии находятся близ Лук и Новосokolьников. Ближе всех оказалась 1-я Донская казачья дивизия, которая большей частью уже сосредоточилась в Пскове. До Петрограда уссурийцам и кавказцам оставалось пройти 200—250 километров, донцам — примерно в три раза больше, 600 километров.

Полотно железной дороги за станцией Дно оказалось разобраным. Тогда генерал Багратион по прямому проводу связался с Могилевым и попросил у Ставки прислать ему железнодорожный восстановительный батальон для ремонта полотна и укладки шпал с рельсами. Телеграмма грузинского князя начиналась такими словами:

«Прошу доложить генералу Корнилову, что туземцы исполнят свой долг перед Родиной и по приказу своего Верховного главнокомандующего, верховного героя, любящего больше всего на свете Святую Русь, прольют последнюю кровь, чтобы доказать, что он — единственный, который может достигнуть победы и остановить Отечество от гибели...»

Телеграфный разговор с Багратионом вел генерал-майор Романовский. Он продиктовал телеграфисту следующий приказ командиру «Дикой» дивизии:

«Все передам генералу Корнилову... Но должен вам сказать, что железнодорожный батальон прислать нам не удастся, так как у нас его нет. Но, по-моему, в нем нет никакой необходимости, так как от Вырицы до Царского Села 34 версты. Вы скорее дойдете походным порядком...»

«По высадке в Вырице следуем в походном порядке. Но восстановить путь необходимо для продвижения обозов и продовольствия».

«Понимаю... Прошу держать самую тесную связь с генералом Крымовым».

Ставка в ходе «корниловского мятежа» так и не сумела наладить четкую координацию действий наличных воинских сил. Более того, Корнилов очень во многом полагался на личную инициативу и исполнительность командира 3-го конного корпуса. А тот, к своей полной неожиданности, оказался под

«градом» взаимно исключаящих правительственных телеграмм и приказаний по телеграфу, которые поступали из Могилева.

Правительственные телеграммы сбили генерал-лейтенанта А.М. Крымова с толку. Он наступал на Петроград во главе 3-го конного корпуса в полной уверенности единодушия Керенского и Корнилова. То, что движение подчиненных ему 1-й Донской казачьей и Уссурийской казачьей дивизий согласовано с Временным правительством, было подтверждено самим Корниловым во время переговоров по телеграфу.

Головные эшелоны 1-й Донской казачьей дивизии вечером 27 августа подошли к Луге. Здесь их догнал корпусной командир вместе со своим новым начальником штаба генерал-майором М.К. Дитерихсом, одним из самых явных корниловцев в армейских рядах. В Луге местный гарнизон сумел вовлечь донских казаков в многочисленные митинги, на которых ведущую роль играли прибывшие из столицы агитаторы левых партий.

В Луге генерал-лейтенант Крымов получил две взаимоисключающие телеграммы. Первую — от главнокомандующего армиями Северного фронта Клембовского, вторую — от главы Временного правительства:

«Передаю приказ генерала Корнилова. В случае, если вам не удастся двинуться к Петрограду по железной дороге, надо идти туда походным порядком...»

«Керенский. Предписываю задерживать эшелоны, идущие в Петроград, и направлять их в пункты прежних стоянок...»

В довершение всего в штабной вагон к Крымову явились представители Лужского Совета и прибывший из столицы комиссар исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Булычев. Они самым категоричным образом потребовали от генерала подчиниться приказу Временного правительства. В довершение поездные бригады заявили, что если их заставят повести паровозы, то они «пожертвуют собой» ради революции и устроят в пути крушения.

Тогда Крымов отправил в близкий Псков, в штаб Северного фронта своего начальника штаба генерала М.К. Дитерихса. Но тот привез оттуда самые неопределенные указания. Командир 3-го конного корпуса решил действовать на свой страх и

риск в надежде на то, что Корнилов и Керенский действуют по единому, согласованному плану «расчистки Петрограда». Он верил Верховному, и ему хотелось верить в слово министра-председателя.

Крымов приказал эшелонам 1-й Донской казачьей дивизии выгружаться в Луге. Полки были отведены на 10—15 верст от города с его «непредсказуемым» гарнизоном и размещены в деревнях Стрешево и Заозерье. Корпусной начальник предполагал в недалекой станции Оредеж соединиться с «Дикой» дивизией.

29 августа к нему в Стрешево «пробился» сквозь правительственные заслоны полковник Лебедев. Он привез Крымову корниловский приказ, который гласил:

«Сосредоточить весь 3-й конный корпус вместе с Туземной дивизией. Быстро двигаться на Петроград и занять его».

Это означало открытие боевых действий на ближних подступах к столице и в самом Петрограде. Крымов попросил посланца Ставки передать Корнилову, что ему потребуется время, чтобы собрать воедино три конные дивизии, которые разбросаны эшелонами по железной дороге, которая в разных местах разобрана. Он просил передать, что не хотел бы брать на себя личную ответственность за начало военных действий против войск, поддерживающих Петроградский Совет. Полковник Лебедев уехал из Стрешево, но по дороге был арестован.

В тот же день из Петрограда к Крымову прибыли два посланца сторонников Корнилова в столице. Это были представители недавно созданного «Республиканского центра» П.Н. Финисов и полковник Л.П. Дюсемитьер. В эту общественную организацию входили Союз офицеров армии и флота, Союз казачьих войск, во главе которого стоял будущий наказной атаман Оренбургского казачьего войска полковник А.И. Дутов, Союз воинского долга, которым руководил полковник Ф.В. Винберг, другие союзы, придерживающиеся прокорниловской ориентации.

Финисов и Дюсемитьер убеждали командира 3-конного корпуса в крайней необходимости как можно скорее наступать на Петроград. В противном случае выступление корниловцев в самом городе становилось невозможным. В столицу через Гатчину был послан мотоциклист с зашифрованной запиской:

«Действуйте немедленно согласно инструкции».

По всей вероятности, курьер-мотоциклист так и не доехал до Петрограда. То ли его машина оказалась неисправной в дороге, то ли он был арестован на одной из красногвардейско-солдатских застав, взявших под свой контроль все пути, ведущие к городу.

Крымов отдал приказ Донским казачьим полкам двинуться вперед к селению Мина. Оно находилось всего в одном переходе от Царского Села, которое к тому времени стало передовым рубежом сил, ополчившихся против «корниловских мятежников». Однако корпусного командира смущало одно немаловажное обстоятельство: он не имел устойчивой связи со штабами Уссурийской и Кавказской Туземных дивизий. Он даже не знал, где они находились.

Уссурийская казачья дивизия находилась в тот день еще достаточно далеко от места назревавших событий. «Дикую» же дивизию ее командир генерал Багратион отправил на станцию Вырица, а сам остался в Дно, ожидая там прибытия нового корпусного начальника генерала Краснова, поскольку Крымов был назначен командующим Отдельной Петроградской армией. Не дождавшись его, князь двинул свои эшелоны дальше, но оказалось, что за станцией Семрино железнодорожный путь был разрушен.

Тогда генерал Багратион решил выяснить ситуацию и выслал вперед конные разъезды из состава Ингушского и Черкесского полков. Именно они оказались участниками единственного за все время августовского путча боевого столкновения между мятежными корниловскими войсками и силами Временного правительства, то есть Петроградского Совета.

У железнодорожной станции Антрошино разъезды конников ингушей и черкесов столкнулись с заставой «вероятного противника». Это оказались отряды, высланные навстречу корниловцам из гарнизонов Павловска и Царского Села. Завязалась жаркая перестрелка, но до ближнего боя дело не дошло. Противники явно не стремились к «обострению отношений». Павловские и царкосельские отряды оставили позиции у станции Антрошино и отступили к своим главным силам.

Командовавший ингушами и черкесами князь Гагарин, будущий командир 2-й Кавказской Туземной конной дивизии,

не решился преследовать отступавшего противника. Он боялся оторваться от эшелонов «Дикой» дивизии и попасть по дороге «в мешок», в засаду. Отступившие от железнодорожной станции правительственные отряды пехоты имели пулеметы и, по всей вероятности, могли получить артиллерийскую поддержку.

Эшелоны с полками Кавказской Туземной конной дивизии застряли на станциях в Вырице и Семрино. Утром 29 августа сюда прибыли агитаторы исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и полномочные представители проходившего в эти дни Всероссийского мусульманского съезда. Делегаты съезда, расценившие выступление генерала Корнилова как попытку реставрации монархии, встали на сторону Временного правительства.

Среди присланных из столицы был Захид-Шефит — внук имама Шамиля, одно имя которого уже «дышало на кавказцев огромным авторитетом». Помимо него в состав делегации входили Ахмед Цаликов — председатель Всероссийского мусульманского союза, Айтек Намитоков — член Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, ротмистр князь Мачабели — член военной грузинской организации, лейтенант флота Осман бек Тукумбетов — товарищ председателя Всероссийского союза воинов-мусульман и другие лица.

Первыми заколебались всадники Кабардинского и Осетинского конных полков. Их полковые комитеты потребовали от начальника дивизии остановить поход на Петроград. Командир Черкесского полка полковник Султан-Гирей организовал у себя митинг, на котором выступили посланцы Всероссийского мусульманского съезда. В итоге временный комитет передовых четырех эшелонов «Дикой» дивизии на станции Чалова постановил:

«1. Эшелоны остановить и вперед не двигаться, пока не будет получено приказание от Временного правительства.

2. Выбрать две партии делегатов и отправить в оба конца по линии для оповещения замыслов начальства против Временного правительства и для немедленного созыва комитетов всех частей дивизии.

3. Потребовать от князя Багратиона дать телеграмму впереди находящимся эшелонам, чтобы они остановили движе-

ние эшелонов вперед и не предпринимали бы никаких действий против войск Временного правительства».

Временный комитет поручил унтер-офицеру Припутневичу передать это решение командиру корпуса. Князю Багратиону пришлось отдать приказ дивизии сосредоточиться в Вырице. Это означало, что он отказывался от выполнения указания генерала Крымова идти вместе с 3-м конным корпусом на столицу для установления в ней «твердого порядка».

30 августа прекратила свое движение на Петроград и Уссурийская казачья дивизия, которой командовал генерал Губин. 28 августа в Нарве эшелоны уссурийцев были встречены агитаторами местного Совета и прибывшими из Петрограда. Дивизия все-таки «прошла» Нарву, но дальше близкого Ямбурга не продвинулась: железнодорожный путь был разобран.

Общее совещание полковых комитетов 30 августа приняло постановление с выражением верности Временному правительству. С ним в Петроград отправилась полномочная делегация во главе с войсковым старшиной Г. Полковниковым, командиром Амурского казачьего полка.

Правительственные комиссары на путях из Могилева в Петроград провели «зачистку» офицеров-корниловцев, командированных из Ставки в столицу. Их аресты были проведены в Витебске, Орше, Вырице. В Петроград «просочились» единицы, которые, естественно, поднять восстание в городе на Неве не могли. К тому же их обезоружило сообщение о том, что генерал Корнилов официально снят с должности Верховного главнокомандующего, обязанности которого возложил на себя сам министр-председатель Керенский.

В Ревеле был арестован и препровожден в Петроград командир 1-го кавалерийского корпуса князь Долгоруков, который выехал из Могилева на автомобиле. Он пытался морем добраться до финского берега, до Гельсингфорса, где стояли корпусные части.

Тем временем генерал Крымов продолжал стоять под Лугой (местный гарнизон насчитывал 20 тысяч человек) в полном бездействии. Его нерешительность объяснялась неопределенностью тех распоряжений, которые с трудом доходили до него из Могилева и Пскова. В них чувствовались какие-то

неясности и колебания. Обещанная из Ставки помощь все не прибывала. И не могла прибыть.

Движение 1-й Донской казачьей дивизии, которой командовал генерал-майор П.И. Греков, к Петрограду продолжалось уже по инерции. Оно закончилось недалеко от железнодорожной станции Оредеж. Здесь путь ей «преградили» полномочные правительственные комиссары и представители исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. При встрече с ними генерал Греков продемонстрировал «полную растерянность».

Командир 3-го конного корпуса в эти последние августовские дни стал свидетелем того, как правительственные и большевистские агитаторы деморализуют его полки, и, в частности, казаков-донцов. Генерал М.В. Алексеев позднее свидетельствовал:

«...Нравственное разложение прочного корпуса произвело угнетающее впечатление на Крымова».

Корпусной командир еще 28-го числа послал на «разведку» в столицу подполковника Данильчука, приказав ему в первую очередь разыскать полковника Самарина, бывшего своего подчиненного и начальника штаба Уссурийской казачьей дивизии. Теперь он служил в кабинете военного министра. Самарин смог добиться у Керенского гарантий безопасности генералу Крымову, если тот прибудет на прием в Зимний дворец из Луги.

Министр-председатель А.Ф. Керенский потом утверждал, что якобы им был вручен полковнику Самарину ордер на арест командира мятежного 3-го конного корпуса. Но, скорее всего, это было утверждение опытного политика, спасавшего собственную репутацию.

Самарин выехал из Петрограда под Лугу на рассвете 30 августа. Его сопровождали подполковник Ковальчук и поручик Данилевич. Посланец Керенского «вез» с собой самые убедительные доводы поражения «корниловского мятежа». Это были фамилии людей из высшего генералитета, уже перешедших на сторону Временного правительства и публично осудивших действия теперь уже бывшего Верховного главнокомандующего России генерала Л.Г. Корнилова.

Когда к Крымову, находившемуся в Заозерье, прибыл по поручению министра-председателя давний знакомый полков-

ник Самарин, генерал сразу же согласился прибыть в столицу. Но он потребовал для себя специального охранного документа, который бы мог обеспечить ему личную неприкосновенность и безопасность. Такой правительственный документ командиру 3-го конного корпуса полковником Самариным был незамедлительно выдан.

Прибыв в Петроград утром 31 августа, генерал-лейтенант Крымов встретился с генералом Алексеевым, которого глава Временного правительства, взявший на себя непосильное бремя Верховного главнокомандующего России, уполномочил провести переговоры с мятежным военачальником из ближайшего окружения Корнилова.

Затем Крымов в 12 часов дня встретился лично с Керенским, который пообещал не арестовывать боевого и заслуженного генерала-фронтовика, но попросил его остаться в столице, отдав себя в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии, которую он только что назначил. По воспоминаниям присутствовавших, разговор велся в довольно резких тонах.

Вне всякого сомнения, беседа казачьего генерала с Керенским носила драматический характер. Крымов показал новому Верховному все приказы, полученные им от Корнилова за последние дни. Среди них был и собственный, по корпусу. Прочитав его, Керенский иронически заметил:

«Вы, генерал, очень умны, я давно слышал, что вы умный. Но этот приказ так скомбинирован, что он не может служить вам оправданием».

Когда собеседники прощались, министр-председатель в присутствии свидетелей демонстративно не подал генералу Крымову руку. Более того, в конце разговора Керенский обрушился на собеседника с истерической бранью, оскорбил его, назвав мятежником и изменником Отечества.

В довершение всего главный военно-морской прокурор, прибывший в конце беседы в кабинет Керенского и ознакомившийся там с крымскими приказами, предложил генералу прибыть в 15.00 для допроса в главное военно-морское судное управление.

После такого приема в Зимнем дворце Крымов приехал на квартиру ротмистра Журавского на Захарьевской улице. Там

он написал коротенькую записку лично для Корнилова, которую отправил в Ставку со своим адъютантом подьесаулом Кульгавовым. После этого генерал в 3 часа пополудни выстрелил из револьвера себе в сердце. Еще живого его срочно доставили в Николаевский военный госпиталь, но через три часа он скончался. Хоронили его без воинских почестей, при погребении присутствовало всего несколько человек.

Генерал-лейтенант П.Н. Краснов в своих мемуарах напишет об этом так: «У Крымова, как у человека сильной воли, было слишком много причин, чтобы покончить с собой...»

Смерть Крымова вызвала в Петрограде немало слухов и толков. Поговаривали, что генерал не застрелился. Что в кабинете Керенского его собственноручно застрелил начальник эсеровских боевиков небезызвестный в столице Борис Савинков. Однако этот слух опровергало предсмертное письмо Крымова жене, в котором он писал о своем решении покончить с собой, будучи не в силах пережить позор возможного над ним суда.

Содержание письма Крымова Корнилову не известно. Прочитав записку, Корнилов сжег ее. О ее содержании он никому никогда не рассказывал. По всей вероятности, предсмертное крымское письмо содержало в себе мало лестного для бывшего Верховного. Когда в тот день генерал-лейтенант Лукомский спросил его:

— Ваше превосходительство, что в письме Крымова?

Корнилов несколько минут угрюмо молчал, и лишь на повторный вопрос ответил как бы нехотя:

— Я письмо порвал. Ничего особенного он не пишет. Одно ясно и верно — это то, что он застрелился сам, а никто его не убивал.

После самоубийства Крымова его конный корпус остановил свое продвижение к Петрограду на линии от Ямбурга до Луги и Вырицы. Из столицы навстречу воинским эшелонам с полками 3-го конного корпуса были высланы новые сотни большевиков-агитаторов. Они и «добили» войска корниловцев.

После нейтрализации 3-го конного корпуса генерал М.В. Алексеев специальным поездом выехал в Могилев. Пока он ехал до Витебска, министр-председатель принял (без согласования с новым начальником штаба Ставки) ряд оперативных мер. По приказу Керенского в Бердичеве арестовывают главноко-

мандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта А. И. Деникина и его начальника штаба генерал-лейтенанта С.Л. Маркова, который в 1915 году был начальником штаба деникинской 4-й Железной дивизии. Аресту подвергаются ряд старших офицеров, известных приверженцев Корнилова. Заключается под стражу весь наличный состав Главного комитета Союза офицеров армии и флота.

В Пскове арестовывают еще одного главнокомандующего армиями фронта — Северного, ближайшего к Петрограду. Генерал В.Н. Клембовский подозревался в сочувствии Корнилову. Доказательством этого считается его отказ даже временно принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего.

Вскоре Клембовского освободили. Но Керенский не решил оставить его во главе фронта, в тылу которого находился столичный гарнизон. Генерал был назначен членом Военного совета. В 1918 году Клембовский, состоявший у А.А. Брусилова начальником штаба Юго-Западного фронта, вступил в Красную армию. Он участвовал в работе Военно-исторической комиссии по изучению опыта Первой мировой войны, был членом Особого совещания при Главкоме РККА, затем был переведен на преподавательскую работу. В 1921 году чекисты арестовали бывшего царского генерала, который умер в тюрьме после объявленной им четырнадцатидневной голодовки.

Временное правительство приготовилось к принятию крайних, хирургических мер в отношении могилевской Ставки и ее охраны. Об этом генерал М.В. Алексеев с удивлением узнал в Витебске. На вокзале председатель местного Совета Григорий Арансон и член Совета Е.В. Тарле (будущий известный советский историк) показали Михаилу Васильевичу только что полученную телеграмму за подписью Керенского.

Алексеев был поражен, поскольку в беседах с Керенским о каких-либо карательных акциях против Ставки с использованием войск не было и речи. В телеграмме же Керенский приказывал полковнику Короткову, начальнику гарнизона города и железнодорожного узла Орша, сформировать карательный отряд и немедленно идти на Могилев, чтобы арестовать там генерала Корнилова и прочих мятежников.

Алексеев был буквально ошарашен содержанием телеграммы, поскольку речь шла о более чем вероятном кровопролитии. Он продолжил свой путь и, встретившись в Орше с полковником Коротковым, убедил его не применять силу против Ставки. К тому времени авангард карательного отряда, который состоял из трех родов оружия — пехоты, кавалерии и артиллерии, находился уже всего в 20 верстах от Могилева.

Генерал Алексеев понимал, что если отряд полковника Короткова (3000 штыков, 700—800 сабель при трех полевых батареях и 300 пулеметах) подступится к Могилеву, то произойдет серьезное кровопролитие. В могилевском гарнизоне только один ударный Корниловский полк насчитывал 200 офицеров и 2500 солдат, будучи хорошо оснащен пулеметами. Текинский конный полк имел в своем составе 800 всадников. Было также известно, что 29 августа в город прибыло пять рот польских легионеров.

Единственной воинской частью гарнизона Могилева, которая была на стороне Временного правительства, был Георгиевский пехотный батальон. Поэтому его распределили по городу небольшими командами, которые несли обычную караульную службу.

Алексеев связался по телеграфу со Ставкой и вышел на его начальника штаба, теперь уже смещенного, генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Лукомского. При том разговоре Корнилов к аппарату не подошел, предоставив право вести разговор своему ближайшему помощнику:

«...Генерал Лукомский. — Передаю вам ответ генерала Корнилова: генерал Корнилов сообщает, что он просит вас приехать, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с этим генерал Корнилов настаивает, чтобы вы приняли все меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились, ибо, по настроению здешних войск, произойдет кровопролитие, которое генерал Корнилов считает необходимым избежать.

Со своей стороны он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Генерал Корнилов просит вас ответить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба о том, чтобы войска к Могилеву не подводились, будет исполнена?

Генерал Алексеев. — Сделаю все. Если бы встретились затруднения, из Орши буду разговаривать по аппарату с министром-председателем и до той минуты, пока не добьюсь сделанных распоряжений, не допущу движения эшелонов и не прибуду сам. Только добившись этой меры, буду продолжать путь до Могилева».

В том разговоре по прямому проводу генерал-лейтенант Лукомский заявил, что «генерал Корнилов не предполагал уstraивать из Могилева форт Шаброль и в нем отсиживаться».

Генерал Алексеев, ставший через несколько месяцев руководителем белой Алексеевской военной организации, на основе которой в самом конце 1917 года начнется формирование Добровольческой армии, сдержал свое слово. Все эшелоны с карательными войсками, которые двигались из Орши на Могилев, были остановлены в пути. И приказом возвращены назад, в места своего квартирования.

И все же Алексеев опасался, что какая-то часть сил «корниловцев» может самостоятельно начать военные действия против правительственных войск. Поэтому 30 августа в 8 часов вечера он провел с генералом Корниловым переговоры по прямому проводу:

Алексеев. — Получили ли вы, Лавр Георгиевич, ту телеграмму, которую мне удалось пока получить от Временного правительства? (речь идет о распоряжении по радиотелеграфу о том, что все оперативные приказания генерала Корнилова, а также отдаваемые от его имени обязательны для всех. — *А.Ш.*)

На другие вопросы пока ответа не дано, но самое главное в оперативном отношении разрешено. Если путь будет восстановлен в районе станции Вырица, где он разобран на четыре версты, то выеду 31 числа рано утром с тем, чтобы приехать к ночи в Могилев. Если путь не будет готов, то о времени возможного выезда протелеграфирую вам дополнительно. Сделаю все возможное, чтобы прибыть скорее и еще прошу вести оперативную работу, дабы не упустить время для сбора войск на угрожаемых направлениях. Быть может, вы от себя пошлете распоряжение, касающееся 6-й и 7-й Донских казачьих дивизий.

Корнилов. — Телеграмму получил, и соответствующее распоряжение относительно продолжения оперативных перево-

зок сделано. Я прошу вас оказать содействие, чтобы мне была предоставлена возможность переговорить по прямому проводу с генералом Крымовым. Какие распоряжения вы полагаете необходимыми относительно 6-й и 7-й Донских дивизий?

Алексеев. — Куда они направляются? Если в Москву, то необходимо повернуть на фронт, если у вас это не было предположено для усиления того или другого района, если возможность фуражного довольствия обеспечена. Если же фуражом обеспечить трудно, если на фронте по вашим соображениям настоятельной надобности в этих дивизиях нет, то лучше повернуть их в старые квартиры. В этом смысле я просил бы вас распорядиться.

Корнилов. — Отправление одной дивизии с Дона задержано. Другой дивизии отправлять не предполагалось, тем более что на фронте в отношении фуража чувствуются большие затруднения. Я буду ждать вашего приезда завтра.

Алексеев. — Постараюсь, равно сделаю все возможное относительно вашей непосредственной связи с Крымовым».

В тот вечер ни Алексеев, ни Корнилов еще не знали о последних событиях ни под Петроградом, ни в самой столице. В том числе и о самоубийстве генерала Крымова.

«Корниловский мятеж» ни в своей начальной стадии, ни в финале не привел к кровопролитию. Хотя воинских сил в нем оказалось задействовано немало.

Генерал Алексеев прибыл в Ставку 1 сентября в 13 часов дня. Выяснив на месте обстановку в Ставке, он связался по прямому проводу с Керенским, возложившим, как мы уже знаем, на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Телеграфный разговор носил напряженный характер:

Керенский. — Я вас слушаю?

Генерал Алексеев. — Прибыл в Могилев. Всю ночь с 1 до 9 часов провел в Витебске с представителями местного Совета рабочих и солдатских депутатов и по аппарату с генералом Корниловым через генерала Лукомского. Резюме продолжительного разговора по аппарату заключается в следующем: Корнилов ожидает моего приезда, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с тем генерал Корнилов просит принять меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились, и к нему не подводились, ибо,

по настроению здешних войск, может произойти кровопролитие, которое повлечет за собою неисчислимыя последствия. Корнилов считает необходимым этого избежать. Со своей стороны, он принимает меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было...

(Далее генерал М.В. Алексеев упрекнул главу Временного правительства в том, что, отправляя его в Могилев, тот ни словом не обмолвился о том, что в Орше собирается крупный воинский отряд под командованием полковника Короткова для действий против «мятежной» Ставки).

Керенский. — Нами был получен за эти сутки целый ряд сообщений, устных и письменных, что Ставка имеет большой гарнизон из всех видов оружия, что она объявлена на осадном положении, что за 10 верст от окружности выставлено сторожевое охранение, произведены фортификационные работы с размещением пулеметов и артиллерии... По прямому проводу в Москву генерал-квартирмейстер (Ставки) говорил тоном совершенно недопустимым... Генерал Крымов перед самоубийством предъявил приказ, им изданный и не составляющий сомнений в намерениях Ставки... Я предлагаю вам передать генералу Корнилову, что он должен сдать вам должность, отдав себя в распоряжение властей, демобилизовать свои войсковые части немедленно... Все это должно быть выполнено генералом Корниловым... в двухчасовой срок. Дальше медлить нельзя, так как повсюду начинают образовываться добровольческие отряды для движения на Ставку... Если через два часа не получу от вас ответа, я буду считать, что вы захвачены генералом Корниловым и лишены свободы действий. Повторяю, что я жду добровольного подчинения восставших...

Генерал Алексеев. — Прежде прошу вас выслушать мой доклад, ибо я, по существу, не успел еще ничего сделать. Первое. Безопасность и свобода действий моя и Следственной комиссии вполне обеспечены. В Могилеве никакой артиллерии нет, никаких фортификационных сооружений не возводилось, войска вполне спокойны, и только при наступлении полковника Короткова столкновение неизбежно... Я предложил полковнику Короткову, до моего указания, далее войск не продвигать... Если я принял на себя обязательство окончить это дело совершенно спокойно, без кровопролития, то я исполню...

Керенский. — Это и моя задача... Очень рад, что сообщение об артиллерии не подтвердилось. Если вы уже вступили в должность, а генерал Корнилов и другие уже подчинились Временному правительству, то тогда и напряжение прекратится. Только нужно об этом в армию и флот оповестить.

Генерал Алексеев. — Только я являюсь ответственным перед законом и родиной за ход событий в Могилеве, куда я прибыл менее полутора часов тому назад и пока еще не могу отойти от аппарата...

Керенский. — Прошу выполнить вашу миссию в кратчайший срок...

Этот исключительно важный для понимания хода событий телеграфный разговор Алексеева и Керенского гораздо более подробно изложен в книге Георгия Михайловича Каткова «Дело Корнилова», написанной в основном на документах белой эмиграции.

Около 22 часов вечера генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик были арестованы и переданы в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии. Сперва они находились под домашним арестом, но с выставлением часовых у дверей занимаемых ими служебных квартир.

В ближайшие дни были проведены аресты еще целого ряда наиболее активных и известных властям генералов и офицеров-корниловцев. Почти в полном составе был арестован Главный комитет Союза офицеров армии и флота, находившийся при могилевской Ставке.

Только после этого генерал М.В. Алексеев, новый начальник штаба Ставки, доложил в Петроград по телеграфу об успешном завершении своей «карательной» миссии:

«...Войска, находящиеся в Могилеве, верны Временному правительству и подчиняются безусловно главноверху... Генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения Совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилеве; послан приказ полковнику Короткову не двигать войска его далее станции Лотва, так как надобности в этом никакой нет... С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно

попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, является неоспоримым фактом...»

Чрезвычайная следственная комиссия приступила к работе. Только теперь число подчиненных морского прокурора Шабловского увеличилось вдвое. Из столицы на «усиление» комиссии прибыли два члена Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — меньшевики М.И. Либер и В.Н. Крохмаль. Но поскольку они не были знакомы с юриспруденцией, в том числе с военной, то какого-то деятельного участия в ведении следственного дела они принять просто не могли. Комиссию усилил только один профессионал — судебный следователь петроградского суда по особо важным делам Колоколов.

Керенский после подавления августовского путча получил поздравлений намного меньше, чем ожидал. 30 августа его поздравил записочкой небезызвестный в деле о «корниловском мятеже» князь В.Н. Львов, сидевший как «корниловец» под арестом на гауптвахте при комендантском управлении Петрограда:

«Дорогой Александр Федорович. От души поздравляю и счастливи, что друга избавил от когтей Корнилова. Весь Ваш всегда и всюду В. Львов».

Дни «корниловского мятежа» парализовали всю деятельность Военного правительства. Это было связано отчасти с тем, что получивший от «временных» диктаторские полномочия Керенский решил на какое-то время заменить правительственный кабинет на так называемую директорию. Она состояла всего из пяти человек. В нее, помимо его самого, вошли министр иностранных дел М.И. Терещенко, морской министр контр-адмирал Д.Н. Вердеревский (бывший командующий флотом Балтийского моря) и министр почт и телеграфа А.М. Никитин.

Пятым членом директората стал только что назначенный военным министром с одновременным присвоением ему 30 августа звания генерал-майора Д.Н. Верховский. В 1905 году он был исключен из Пажеского корпуса и был отправлен рядовым артиллеристом на войну, в Маньчжурию, где стал геор-

гиевским кавалером. За боевые отличия был произведен в офицеры. Николаевскую академию Генерального штаба закончил по первому разряду. Свое восхождение на пост главы российского Военного ведомства активный противник монархии, он же управляющий делами начальника отдельной Черноморской дивизии, начал с поста заместителя председателя Севастопольского Совета.

Поддержав Керенского, он получил чин полковника и назначение командующим войсками Московского военного округа. Во время «корниловского мятежа» Верховский объявил Московский военный округ на военном положении, отстранив от занимаемых должностей всех известных ему прокорниловски настроенных офицеров. Для нанесения удара по Могилеву он выделил пять полков. Из своего московского штаба Верховский предупредил генерала М.В. Алексева, только-только прибывшего в Ставку:

«Сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом для того, чтобы покончить то издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место. Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющевский-Плющик, Пронин, Сахаров должны быть немедленно арестованы и препровождены...»

В 1919 году бывший генерал-майор Верховский добровольно вступил в Красную армию. Одно время был руководителем Военной академии РККА. В 1922 году в качестве военного эксперта участвовал в работе Генуэзской конференции союзников. В 1939 году комбриг Александр Иванович Верховский по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был приговорен к расстрелу по обвинению в антисоветской деятельности. В 1956 году посмертно реабилитирован как жертва сталинских репрессий.

...«Корниловский мятеж» стал поистине триумфом Петроградского Совета, вернее, его большевистской части, в противостоянии Временному правительству. «Временные», как всем тогда виделось, теряли власть в государстве буквально по дням, если не по часам. Уже через три дня после объявления Корнилова мятежником и изменником Отечества, численность Красной гвардии в Петрограде составила 25 тысяч человек. Подконтрольной правительству она, разумеется, не была.

На подступах к столице началось строительство различных полевых укреплений. Правда, им не пришлось стать инженерными оборонительными линиями в полном понимании это слова. Одновременно в ряде мест были разобраны железнодорожные пути. По этой причине на станциях Нарва, Ямбург, Гатчина, Луга и в ряде других мест остановились эшелоны с корниловскими войсками. Всего было остановлено 45 эшелонов с войсками, которые должны были составить Отдельную Петроградскую армию.

«Корниловский мятеж» поднял на ноги командование Балтийского флота в лице революционного Центробалта во главе с большевиком Павлом Дыбенко. Из Кронштадта в Петроград прибыл 5-тысячный отряд матросов и солдат крепостного гарнизона. А в Неву вошли пять миноносцев Балтийского флота, готовые огнем своих пушек поддержать защитников столицы.

Считается, что если бы генерал Крымов действительно начал боевые действия против Петрограда, то путь его войскам могли преградить до 60 тысяч столичных красногвардейцев, гарнизонных солдат и балтийских моряков. В их числе находились 1-й и 2-й запасные пулеметные полки, расположенные в Ораниенбауме, достаточное число полевой артиллерии.

В тот день, когда генерал Крымов застрелился, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов большинством голосов принял большевистскую резолюцию «О власти». В соответствии с ней вся полнота власти на местах переходила в руки Советов.

1 сентября Россия была провозглашена республикой.

«Корниловскому мятежу» были посвящены многие исследования. Но далеко не все из них отличались объективностью. К числу наиболее серьезных оценок попытки военного переворота в России в августе 1917 года можно отнести слова Николая Николаевича Головина, генерал-лейтенанта старой русской армии, профессора, автора фундаментального исследования «Военные усилия России в Первой мировой войне». Книга была посвящена Первой мировой войне, впервые издана в Париже в 1939 году. Она выдержала десятки изданий за рубежом, а в Отечестве автора впервые увидела свет только в 2001 году.

Генерал Головин дает краткую оценку «корниловского мятежа» в разложении армии. Он считает, что выраженный в

«корниловском мятеже» протест патриотически настроенного офицерства привел после его неудачи к окончательному развалу старой русской армии, окончанию участия России в Первой мировой войне и началу Гражданской войны:

«...Как выразился впервые этот протест (офицеров-патриотов. — А.Ш.) в корниловском выступлении — хорошо всем известно. В Петрограде ожидалось выступление большевиков. Керенский согласился с Корниловым, что к Петрограду будут подведены верные войска, при посредстве которых будет подержан порядок. Вместе с тем нужно было положить конец пленению правительства Петроградским гарнизоном, выговорившим себе условие не идти на позиции под предлогом «защиты революции» и фактически державшим в плену правительство Керенского. В последнюю минуту Керенский испугался...

За Корниловым стояла небольшая группа горячо любящих Родину офицеров, которые могли представлять собой только очень маленькую силу в Ставке; остальные сочувствовавшие ему были разбросаны в войсках, в полной зависимости от солдатской массы.

Эта же масса вся была определенно против Корнилова. На Румынском фронте мы получили телеграмму Корнилова, призывающую к восстанию против Временного правительства около полуночи; через час была передана телеграмма Керенского, объявляющего Корнилова изменником. На следующий день, около полудня, от всех комитетов всех армий были посланы Временному правительству телеграммы, требующие предания Корнилова военно-революционному суду...

Выступление Корнилова было более чем преждевременным. Оно губило соль русской армии и русской интеллигенции. Чтобы спасти положение вещей, генерал Алексеев вынужден был выступить против Корнилова. Нужно отдать справедливость генералу Алексееву: в этом своем шаге он показал, что он спасение России ставит выше, чем политические и личные симпатии. Своим государственным умом он понимал, что как бы это не было тяжело, Корнилов должен был подчиниться Керенскому...

Алексееву, этому кристально честному человеку, пришлось выслушать от горячившегося Корнилова даже такие слова: «Вы идете по линии, разграничивающей порядочного человека от непорядочного...»

Как известно, во время этих событий Верховным главнокомандующим России стал Керенский, юрист, не имеющий военного образования. Он надеялся, что такой шаг поднимет его личный авторитет, продлит жизнь Временного правительства и поможет в борьбе с большевиками, которые уже были готовы к государственному перевороту, вошедшему в историю как Великая Октябрьская социалистическая революция.

В связи с самоназначением Керенского Верховным главнокомандующим верный ему тогда генерал-майор А.И. Верховский писал:

«Подмена генерала революционным деятелем на посту Верховного не внесла большого доверия к военной власти. Массовые перемены в старшем командном составе не изменили его внутреннего существа, так как в этой среде были «корниловцы», были перелеты, но не было вовсе «керенцев»; выброшенный за борт по подозрению в «контрреволюционности» новый десяток тысяч офицеров, ослабив интеллектуально армию, не сделал оставшийся состав более однородным и революционным. Армия шла к предначертанному ей концу».

...Развал русской армии продолжался. Прежние войсковые комитеты казались солдатам слишком «правыми». Везде начали возникать «революционные трибуналы», переименованные вскоре в военно-революционные комитеты.

Провал «корниловского мятежа» имел и другие последствия. Теперь солдатские и матросские комитеты получили «моральное» право изгонять из воинских частей любых негодных им командиров в офицерских погонах, обвинив их в «корниловщине». Такое явление на фронте и в тылу после августовского путча стало массовым явлением. Командование фронтами, армиями, корпусами было бессильно бороться с этим явлением.

В пехотных полках и артиллерийских бригадах из числа рядовых выбирали командиров на должности ротных, батарейных, батальонных и дивизионных и даже полковых начальников. От офицеров любого ранга требовали подписания заявлений с осуждением генерала Корнилова. Отказников, отобрав у них личное оружие, изгоняли из воинских частей или сажали под арест.

На Балтийском флоте широкий резонанс получил следующий случай. На одном из кораблей четверо молодых гардема-

ринов отказались подписать подобное заявление, сказав, что они не вправе этого сделать, пока своего решения не вынесли ни Чрезвычайная следственная комиссия, ни последующий суд над генералами-корниловцами. Матросский комитет снял всех четырех офицеров с корабля, заявив при этом командующему флотом, что гардемаринам ничего не угрожает. Но на берегу их расстреляли.

Не менее «яркий» случай произошел в гарнизоне Гельсингфорса (ныне Хельсинки). Вооруженная толпа ворвалась в православный собор во время отпевания трех офицеров, убитых солдатами за их «корниловские убеждения». Духовенство было разогнано прикладами, храм осквернен, а тела офицеров выброшены из гробов.

В этих условиях новый Верховный главнокомандующий Керенский балансировал между двух огней. В одних приказах он продолжал клеймить позором «корниловцев-контрреволюционеров». В других — требовать от войск прекращения самовольных арестов и актов насилия, за которые к судебной ответственности уже не привлекался никто.

Борьба Временного правительства с «корниловщиной» имела и другие последствия. Во-первых, увеличилось число дезертирств: солдаты все чаще оставляли ряды действующей армии с оружием в руках. Во-вторых, начался массовый уход офицеров в отпуска «по болезни».

Виновников «корниловского мятежа» «искали» не только в Зимнем и Таврическом дворцах. Этим занимались даже местные Советы. Широкую известность получила декларация Петергофского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 августа. В ней говорилось:

«Предательское корниловское выступление доказало всему российскому народу, какая угрожала и угрожает опасность в старом Генеральном штабе — гнезде контрреволюции, который составил заговор для подавления революции и уничтожения всех революционных организаций, защищающих интересы трудового народа...

Исполнительный комитет находит:

1) что организация Генерального штаба есть источник всех возможных контрреволюционных движений в армии;

2) что заговор Корнилова есть результат контрреволюционной работы офицеров Генерального штаба;

3) что лица, участие которых в заговоре может считаться вполне установленным, — генералы Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Марков, Орлов, Эрдели, Романовский, Саттеруа, Кисляков, Крымов, Клембовский, Оболевешев, Эльснер, Волков, полковник Клерже — все офицеры Генерального штаба;

4) что судебное расследование установит еще целые ряды соучастников — офицеров Генерального штаба;

5) что контрреволюционные организации — Союз офицеров армии и флота и Военная лига — созданы при ближайшем участии офицеров Генерального штаба;

6) что вся военная власть сосредоточена в замкнутой корпорации Генерального штаба...

...Все должности, представляющие узлы управления... должны быть теперь же заполнены лицами, не входящими в состав корпуса Генерального штаба и политическая физиономия которых не возбуждает сомнений...»

Не только Петергофский Совет посчитал офицерский корпус Генерального штаба, в котором числился и сам организатор «мятежа», полностью корниловским. Военная организация при Центральном комитете РСДРП (большевиков) в обращении к солдатам Петроградского гарнизона призывала:

«Разорить это осиное гнездо — черносотенный штаб, надо создать свой революционный штаб, вооружить рабочих, вооружить расформированных солдат, надо создать боевой центр!»

...Исследователи августовских событий 1917 года сходятся в одном: одной из жертв «корниловского мятежа» стал его победитель — Временное правительство. Управление государством перешло к узкому кругу лиц, так называемому директорату в составе Керенского, Терещенко, Никитина, Верховского и Вердеревского.

В истории России августовский путч стал второй, также неудавшейся попыткой установить в стране военную диктатуру. Первая попытка была совершена в декабре 1825 года, в первый день правления всероссийского императора Николая I. Только тогда декабристы преследовали совсем иные цели, чем генерал Корнилов и его единомышленники. Членам тай-

ных дворянских обществ спасти Россию от катастрофы, а русскую армию — от развала не приходилось. Они мечтали только о республиканском строе и конституции.

Так что генерала Корнилова можно с полным правом называть «несостоявшимся диктатором».

Может быть именно поэтому хорошо знавший его по совместной службе в Заамурском корпусе пограничной стражи и по австрийскому лагерю для военнопленных генерал-лейтенант Е.И. Мартинов взял для эпиграфа к своей книге «Корнилов (попытка военного переворота)» слова германского генерал-фельдмаршала барона Кольмара Вильгельма Леопольда фон дер Гольца. Будучи адъютантом турецкого султана Махмуда V, он фактически командовал его армией в начале Первой мировой войны. Автор ряда работ по военной истории, Фон дер Гольц мечтал захватить Персию и оттуда совершить завоевательный поход в британскую Индию. Фон дер Гольц пишет:

«Благоразумие предписывает не воображать себя Наполеоном, пока это не подтвердится на деле».

Глава 11

БЫХОВСКАЯ ТЮРЬМА. СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА. БЕГСТВО НА ЮГ

Чрезвычайная следственная комиссия во главе с главным военно-морским прокурором Н.М. Шабловским приступила к проведению дознания по делу о «корниловском мятеже» 2 сентября. Комиссия имела широкие полномочия, полученные от

Временного правительства, и повлиять на ее окончательный доклад кому-либо из высшего генералитета и видных общественных деятелей было невозможно.

В Могилеве Корнилова и его сподвижников первоначально из-под домашнего ареста поместили под двойной караул (внутренний и внешний) в гостиницу «Метрополь». Охрану несли верные Корнилову всадники Текинского конного полка. Только они в те тревожные дни могли гарантировать своему «Великому Бояру» личную безопасность от самосуда необузданной солдатской толпы, появившись она откуда-нибудь в городе.

Прокурор Шабловский предложил Корнилову, державшемуся на следствии с достоинством, написать свои показания. На что тот ответил согласием, но просил назвать их «объяснительной запиской». Прокурор не возражал.

По всей видимости, Чрезвычайная следственная комиссия имела соответствующие инструкции от «временного» министра юстиции А.С. Зарудного. В дни «корниловского мятежа» он неоднократно предостерегал министра-председателя Керенского от применения силы к могилевской Ставке. 2 сентября, когда комиссия Шабловского начала допросы арестованных «мятежников», Зарудный подал в отставку. В прощальном слове перед работниками Министерства юстиции он сказал: «Я был у вас только гостем».

В дни следствия оставил свой пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего и генерал Алексеев. Он пробыл в этой должности всего одну неделю. Сам он обосновал свое решение (интервью с ним было опубликовано в газете «Речь» от 13 сентября 1917 года) об отставке тремя причинами:

Первая причина состояла в выступлении Корнилова. Но от разъяснений генерал отказался. Выступление бывшего Верховного, по его мнению, произошло не вследствие антиправительственного и антиреволюционного заговора, а из-за народного движения в поддержку генерала Корнилова и его безоговорочного патриотизма. На страницах «Речи» это прозвучало так:

«...Его дело, как народно-идейное, требует широкого политического освещения, а его хотят судить военно-революци-

онным судом, который состоит из трех случайных офицеров и трех случайных солдат, людей без юридических знаний и без широкого общественного горизонта...

Со всем этим моя совесть согласиться не может. Я не могу спокойно видеть это и уйду».

Вторая причина, сказал М.В. Алексеев, состояла в развале армии. Генерал заявил, что, по имеющимся у него сведениям, Германия собирает силы для нового мощного наступательного удара на Восточном фронте. А разложившаяся русская армия уже не в состоянии надежно парировать вражеский удар. Генерал Корнилов предлагал действенные меры для спасения положения, но они правительственной властью приняты не были.

Третья причина отставки крылась в невозможности начальника штаба Ставки помочь своим фронтовым братьям-офицерам. Генерал Алексеев назвал их в интервью мучениками, погибающими под пулями и пыткой собственных солдат.

Как же отнесся к решению об уходе генерала М.В. Алексева с поста начальника штаба Ставки Керенский? В «Вестнике Временного правительства» по этому поводу было опубликовано официальное сообщение, которое отличалось краткостью и напыщенностью:

«В грозный для армии час, когда, благодаря открытому отказу от повиновения бывшего Верховного главнокомандующего, генерала Корнилова, армия русская подверглась великим испытаниям, генерал Алексеев самоотверженно принял на себя должность начальника штаба Верховного главнокомандующего и своим мудрым вмешательством быстро и бескровно восстановил порядок и деловую работу в самом жизненном центре армии — в Ставке Верховного главнокомандующего.

Ныне, исполняя эту исключительную по своей важности задачу, генерал Алексеев обратился ко мне с просьбой об освобождении его от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. Уступая желанию генерала Алексева, я просил Временное правительство об освобождении его от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и о назначении его в распоряжение Временного правитель-

ства, дабы опыт в военных делах и его знания могли быть использованы и впредь на благо Родины.

Верховный главнокомандующий
А. Керенский.
9 сентября 1917 года».

Начальником штаба Ставки был назначен малоизвестный для русской армии и общественности страны генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин. До этого он чуть больше месяца был начальником штаба армий Западного фронта, а перед этим занимал такую же должность на Юго-Западном фронте. В Первую мировую войну Духонин отличился дважды. За проведение рекогносцировки у австрийской крепости Перемышль в сентябре 1914 года он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Нового Георгия, но уже более высокой степени — 3-й, командир 165-го пехотного Луцкого полка получил за бои в апреле 1915 года у населенных пунктов Бялы и Мокра. В первом случае пехотинцы полковника Н.Н. Духонина с «примерной» стойкостью прикрыли отход своей 42-й пехотной дивизии...

А следствие шло своим ходом. «Показание генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова, данное Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 года» известно нам благодаря книге бывшего генерал-лейтенанта пограничной стражи Е.И. Мартынова «Корнилов. Попытка военного переворота»:

«...Приказ о формировании Петроградской армии, как было сказано выше, мной был подписан 26 августа, так как только 24 августа, в телеграмме за № 10085—36848, мне было сообщено министром-председателем согласие правительства на подчинение мне всей территории Петроградского военного округа, которая должна была войти в район Петроградской армии.

Генерал Крымов отправился в район расположения своих частей вечером 25 августа. Перед отъездом, в дополнение к предписанию о подчинении ему Кавказской Туземной конной дивизии, я дал ему две задачи:

1) в случае получения от меня или непосредственно на месте сообщения о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнули к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы,

2) по окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и, по прибытии туда, потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк.

Согласие министра-председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовали 8 августа, и доклад об этом Морского генерального штаба, с резолюцией министра-председателя, был предъявлен начальнику штаба Верховного главнокомандующего при письме адмирала Максимова.

На случай необходимости усилить войска генерала Крымова мной было приказано командиру 1-го конного корпуса поступить в распоряжение генерала Крымова с двумя полками 5-й кубанской дивизии, сосредоточенной в районе между Выборгом и Петроградом. Екатеринодарский казачий полк этой дивизии был оставлен в Гельсингфорсе по требованию генерал-губернатора Финляндии г. Стаховича для поддержания там порядка, ввиду ожидавшегося восстания большевиков.

Кроме того, флоту было приказано в случае, если в городе Гельсингфорсе возникнут беспорядки, то судовой артиллерии разгромить город. Телеграмма об этом приказании, за подписью генерала Лукомского, была мной одобрена, и на ней имеется сверху моя собственноручная подпись.

Ввиду ненадежности некоторых частей Ревельского укрепленного района я приказал перевести из города Проскурова, то есть глубокого резерва, стоявший в этом городе на отдыхе Корниловский пехотный полк, как одну из наиболее твердых и надежных частей. Головные эшелоны этого полка проходили через Могилев 27 августа, и полк мной был задержан ввиду разыгравшихся событий.

Генерала Крымова я больше не видел. Невыполнение им возложенной на него задачи я приписываю тому, что с ним была прервана связь и он не мог получить последних моих

указаний. Особых мер для поддержания с ним связи не было принято потому, что корпус направлялся в Петроград по требованию Временного правительства и я не мог предвидеть того положения дел, что связь его со Ставкой будет прервана распоряжением правительства же. 29 августа я послал ему приказание продолжать движение и, в случае дальнейшего прерыва связи, действовать сообразно с обстановкой, в духе моих первоначальных приказаний. Письмо было послано с офицером — летчиком, фамилии не помню, но доставлено ли ему это письмо — мне неизвестно.

30 августа, узнав из разговора по прямому телеграфному проводу о смерти генерала Крымова, я принял меры для бескровной и безболезненной для страны и армии ликвидации столкновения моего с министром-председателем г. Керенским.

Начиная с 27 августа я не прекращал управления армиями, следил за положением на фронтах и делал распоряжения, что видно из моих отметок на оперативных сводках. Ввиду того, что г. Керенским было сделано распоряжение о неисполнении моих оперативных распоряжений, я, как только вошел в связь с генералом Алексеевым, потребовал отмены этого распоряжения господина Керенского. (Справка: мой разговор по прямому телеграфному проводу с генералом Алексеевым 30 августа).

Затем я заявил через генерала Алексева Временному правительству, что я приму немедленно меры к успокоению тех кругов, которые последовали за мной, как только выяснится, что Временное правительство стало на путь создания твердой власти, и, наконец, я настойчиво просил генерала Алексева ускорить его приезд в Ставку. Как только я получил сведение, что он выехал, я незамедлительно отдал приказ частям могилевского гарнизона сохранять полное спокойствие и подчиниться генералу Алексеву по приезде его в Ставку.

Получив 30 августа распоряжение Временного правительства о том, что запрещение исполнять мои приказы отменено, я немедленно отдал приказание продолжать намеченные стратегические перевозки для усиления Северного фронта. Из этого следует, что генерал, обвиненный г. Керенским в измене и предательстве Родины, тем не менее до вечера 1 сентября оставался руководителем обороны государства.

Ни в каких заговорах я не состоял и не состою. Во всех своих разговорах с представителями различных политических партий я всегда заявлял, что ни к каким политическим партиям не принадлежал и не принадлежу, а всегда поддерживал и буду поддерживать те из них, которые стремятся, задаются одним намерением: спасти страну от гибели и вывести армию из состояния развала.

Я заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и вопрос о форме правления страны должно решать Учредительное собрание, которое одно лишь может и должно выразить державную волю русского народа в его дальнейшей судьбе. Я заявляю, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление Дома Романовых, считая, что эта династия, в лице ее последних представителей, сыграла роковую роль в жизни страны.

Мне не было известно ни одной организации, которая бы стремилась к достижению тех же целей, во имя которых действовал я. Когда я выступил против министра-председателя, офицеры штаба, узнав об этом, немедленно и точно исполняли мои приказания. Приняв на себя такую ответственность, я не допускал и мысли, чтобы кто-нибудь не исполнил моих приказаний. Мотивы моего выступления и последовательность развития видны из приказов моих за № 897 и 900, отданных мной 28 и 29 августа, и из обращений к народу и казакам...»

Генерал от инфантерии Корнилов.
Председатель Комиссии Шабловский.
Члены Комиссии: полковник Украинцев,
полковник Раупах и Н. Колоколов».

Чрезвычайную следственную комиссию особо интересовали те лица, которые были (или как предполагалось в Зимнем дворце) главными соучастниками «мятежа» генерала Корнилова. Поэтому морской прокурор Шабловский задал Лавру Георгиевичу ряд наводящих вопросов с просьбой дать характеристику своих личных отношений с целым рядом лиц. Одной из таких интересующих следствие фигур был Верховский. Свои отношения с ним Корнилов объяснил так:

«Бывшего командующего войсками Московского военного округа полковника, ныне генерал-майора, Верховского я видел 26 августа: он был приглашен в Ставку для обсуждения вопроса о сокращении численности армий. В разговоре с ним я коснулся вопроса об установлении в стране диктатуры, как неизбежного следствия тяжелого положения страны и возможных результатов этой меры. Генерал-майор Верховский высказался, что, по его мнению, установление единоличной диктатуры могло бы вызвать большие потрясения в стране, диктатура же коллективная могла бы быть осуществлена с меньшими потрясениями. В беседе нашей ничего конкретного, ни имен, ни времени, не указывалось.

Я просил генерал-майора Верховского остаться в Ставке еще на следующий день, имея намерение переговорить с ним по вопросам, разрабатываемым в штабе, но ввиду его заявления, что он должен спешить в Москву, я распростился с ним».

Временное правительство очень интересовала степень участия казачества в «корниловском мятеже», вернее, единомыслие казачьих атаманов, прежде всего Каледина и Дутова, с бывшим Верховным главнокомандующим. Поэтому и такие вопросы были заданы генералу Корнилову членами Чрезвычайной следственной комиссии. На них Корнилов ответил так:

«С генералом Калединым мы старые боевые товарищи. Мы оба, командуя дивизиями, бились рядом в боях под Львовом. В мае этого года я принял после него 8-ю армию. Как старый боевой офицер, с болью в сердце смотрящий на развал нашей, некогда могучей, армии, и как казак по рождению, я с глубоким сочувствием отношусь к генералу Каледину — этому рыцарю нашего казачества.

Незадолго перед Московским совещанием председатель совета Союза казачьих войск, войсковой старшина Дутов, приезжавший ко мне в Ставку по делам Союза, просил меня послать телеграмму генералу Каледину с предупреждением, что его собираются арестовать в Москве, во время совещания. Послана ли была такая телеграмма, я не помню, но заметка о просьбе войскового старшины Дутова сохранилась на отрывном блокноте, найденном у меня в кабинете.

С генералом Калединым я виделся 13 августа, когда он от имени казачества приветствовал меня по случаю приезда в гор.

Москву. Вечером того же дня он был у меня в вагоне, и мы беседовали с ним на тему о состоянии страны и армии и о содержании речей, с которыми мы предполагали выступить на совещании. 29 августа, с моим ординарцем В.С. Завойко, я послал генералу Каледину письмо, в котором ориентировал его о положении дел и просил его, со своей стороны, оказать содействие в моем давлении на Временное правительство. Дошло ли это письмо, мне неизвестно.

Ввиду получения мной от генерал-губернатора Финляндии сведений о тревожном положении в крае, 25 августа, телеграммой за № 6314, я предложил генералу Каледину одну из Донских казачьих дивизий, сформировавшихся в области и предназначенных к отправлению на Кавказский фронт, направить в Финляндию через Москву. 30 августа, после переговоров моих с генералом Алексеевым, распоряжение это было отменено телеграммой № 11766».

Министр-председатель А.Ф. Керенский имел среди депутатов Государственной думы немало недоброжелателей. Поэтому он дал приказание морскому прокурору Шабловскому выяснить причастность ряда думских лиц к «корниловскому мятежу». Одним из таких депутатов был Аладьин:

«С членом Первой Государственной думы А.Ф. Аладьиным раньше я не был знаком. 3 августа, когда я был в Петрограде, он прибыл из Англии и тотчас же приехал ко мне в вагон с приветом от главнокомандующего английскими войсками в действующей армии генерала Робертсона, которому представлялся перед своим отъездом в Россию. Разговор наш продолжался несколько минут и касался исключительно состояния и организации английской армии, при которой А.Ф. Аладьин пробыл некоторое время.

Второй раз я его видел в Москве, во время Государственного совещания. Мы обменялись с ним нашими впечатлениями по поводу речей, произнесенных во время заседания. А.Ф. Аладьин показался мне человеком очень интересным, отлично ознакомленным с настроением политических кругов в России, Англии, Франции и Америки, почему я пригласил его навестить меня в Ставке.

Он приехал ко мне 24 или 25 августа, в точности не помню, остался моим гостем и был застигнут событиями в Мо-

гилеве. Когда возник вопрос о возможности изменений в составе правительства, я интересовался его мнением о представителях наших крупных политических партий».

Следствие обоснованно считало, что на генерала Корнилова сильное воздействие оказывал его ординарец Завойко, человек одаренный как политический деятель. Лавр Георгиевич откровенно рассказал о своих взаимоотношениях с этим человеком, которого в моголевской Ставке за глаза называли «серым кардиналом». Но, правда, только в вопросах, которые не касались прямого командования войсками:

«С В.С. Завойко я познакомился в апреле этого года, в Петрограде. По имеющимся у меня сведениям, он несколько лет тому назад был предводителем дворянства Гайсинского уезда, Подольской губ., работал на нефтяных промыслах Нобеля в городе Баку и, по его рассказам, занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири. В мае месяце он приехал в Черновцы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии в качестве личного при мне ординарца.

Отлично владеет пером: поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный, художественный стиль. По моему приказанию и по моим указаниям им составлены телеграммы к начальствующим лицам и обращения к народу, выпущенные мной 27 и 28 августа. Приказы за № 897 и 900, отданные 28 и 29 августа, были написаны по моему приказанию и по моим личным указаниям в штабе, а воззвание к казакам составлено лично мной».

Керенский в свое время приставил для присмотра за Верховным главнокомандующим в самом Могилеве доверенного человека. Им стал соратник министра-социалиста штабс-капитан М.М. Филоненко, назначенный правительственным политическим комиссаром в Ставке. Поэтому Александра Федоровича очень интересовала его роль в августовском путче и степень верности Филоненко лично ему. Пролить свет на это Чрезвычайная следственная комиссия, разумеется, попросила арестованного генерала Корнилова:

«С штабс-капитаном Филоненко я впервые познакомился в мае настоящего года. Он прибыл в 8-ю армию, которой я командовал, в качестве комиссара Временного правительства.

В июне, во время подготовки армии к наступлению, он проявил много умения, энергии, настойчивости и решительности в деле согласования работы командного состава с комитетами и при водворении порядка в частях, в которых обозначилось резкое нарушение дисциплины и порядка, а в боях, во время Станиславского прорыва, принимая непосредственное участие в боевых действиях войск, проявил много личного мужества и воинской доблести.

С назначением меня главнокомандующим Юго-Западного фронта штабс-капитан Филоненко был назначен фронтовым комиссаром, а затем комиссаром Временного правительства при Верховном главнокомандующем. Он был открытым сторонником проведения твердых и решительных мер в деле оздоровления армии и страны, пользовался моим полным доверием и был посвящен в мои пожелания и предложения относительно необходимых изменений, которые, по моему мнению, могли обеспечить стране власть твердую, работоспособную и честную.

К некоторым моим сотрудникам по штабу и, в частности, к генералам Лукомскому, Тихменеву штабс-капитан Филоненко относился с недоверием и даже пытался подготовить почву для удаления генералов Лукомского и Тихменева из Ставки, но я этому решительно воспротивился, считая, что право и ответственность за выбор помощников должны лежать всецело на начальнике, и слаженность работы в штабах, особенно в высших, несравненно важнее, чем принадлежность к каким-либо политическим партиям.

Штабс-капитан Филоненко неоднократно докладывал мне, что деятельность Главного комитета Союза офицеров армии и флота внушает опасение и другим комиссарам. Поэтому я согласился на перевод Главного комитета в Москву и в этом направлении дал 21—22 августа указание председателю комитета, подполковнику Новосильцеву.

27 августа штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он предполагает отправиться немедленно в Петроград. Находя, что присутствие его в Ставке, ввиду еще невыяснившегося положения в вопросе о сдаче мной должности Верховного главнокомандующего, представляется мне более полезным для дела и, кроме того, имея сведения, что против штабс-капитана Фи-

лоненко существует большое возбуждение в офицерских кругах, я предложил остаться ему в Могилеве или отложить свой отъезд до 28 августа, заявив, что ему 27 августа не будет предоставлено ни места в вагоне, ни автомобиля.

Штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он получил приказание ехать в Петроград и желал бы получить удостоверение, что он не исполнил этого приказания не по своей вине. Тогда я послал телеграмму управляющему Военным министерством, что штабс-капитан Филоненко задержан мной. Ни какому аресту штабс-капитан Филоненко не подвергался, а в ночь с 27 на 28 августа ему для следования в Петроград был предоставлен экстренный поезд».

Объяснив таким образом свои действия в отношении полномочного комиссара Временного правительства, генерал Корнилов разъяснил Чрезвычайной комиссии и другой факт. Речь шла о якобы превентивном аресте помощника политического комиссара Фонвизина, когда тот был обезоружен и на какое-то время взят под стражу дежурным офицером Ставки:

«Помощник комиссара г. Фонвизин был задержан вследствие неправильно понятого дежурным офицером приказания. Как только мне было доложено о задержании г. Фонвизина, я пригласил его немедленно к себе, приказал освободить его и вернуть отобранный у него револьвер».

В этих корниловских показаниях обращает на себя внимание то обстоятельство, что генерал Корнилов брал всю ответственность на себя. На вопросы членов Чрезвычайной следственной комиссии он отвечал: «по моему приказу...», «по моему распоряжению...», «я дал ему задачу...», «приказ был подписан мной...», «я послал...» и так далее.

Все это свидетельствует о порядочности «несостоявшегося диктатора», который, не заботясь о своей судьбе, не хотел подвести под удар своих ближайших сподвижников, даже ушедшего из жизни генерала Крымова. В последующем, уже оказавшись в белой эмиграции, многие участники «корниловского мятежа» отметят в своих мемуарах эту черту генерала Корнилова.

При всех своих симпатиях к арестованным представителям Ставки Чрезвычайная следственная комиссия вела дело по-юридически скупуплезно. Поэтому после «объяснительной за-

писки» генерала Л.Г. Корнилова на свет появилась запись его дополнительного допроса.

Этот документ интересен прежде всего деталями подготовки военного переворота. Он был полностью опубликован все в той же нашумевшей в 20-е годы книги неизвестного Е.И. Мартынова, бывшего царского генерала: «Корнилов. Попытка военного переворота». Вот его полное содержание:

«ПРОТОКОЛ

1917 г., сентября 24, члены Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и др. допрашивали нижепоименованного.

Генерал Корнилов, показываю дополнительно:

Предъявляемое вами мне письмо от 30 августа на имя Крымова написано мною лично. По содержанию его на ваши вопросы отвечаю: под организациями, упоминаемыми в письме, я разумею офицеров, отправившихся в Петроград, ранее вызванных для обучения бомбометанию, а затем командированных в Петроград для того, чтобы их влить в полки петроградского гарнизона и удержать последние от содействия большевикам.

Генералу Каледину было отправлено два письма однородного содержания с двумя лицами — с Завойко и каким-нибудь офицером, которого я приказал назначить. Участь обоих писем мне неизвестна. Письма через Завойко в Асхабад не посылал. Упомянутая в письме инструкция заключалась в решительном подавлении большевиков, аресте Советов, если они поддержат это движение, разоружении рабочих и упразднении Кронштадта. Никаких действий против Временного правительства в инструкции не указывалось: содержание инструкции было известно Савинкову.

Письмом к Крымову я предлагал ему действовать как в том случае, если бы движение большевиков возникло. Письмо это я приказал отправить с кем-нибудь из офицеров; с кем оно было отправлено, не знаю наверное.

С генералом Калединым я два раза пытался говорить по прямому проводу, но оба раза неудачно: кто-то в пути перебивал. Посылались ли тогда же генералу Каледину телеграммы, не помню.

На ваш вопрос отвечаю: днем 26-го ко мне пришел кто-то из офицеров и сказал, что офицерам, отъезжающим в Петроград, нужно дать денег. Деньги нужно было выдать спешно, мне сказали, что достать их сейчас нельзя, и я выдал 5—6 тысяч рублей, бывших у меня в письменном столе, присланных мне для какой-то определенной цели и не переданных еще по назначению. Вместе с тем, я приказал, чтобы расход этих денег был потом как-нибудь оформлен.

Относительно вызова казаков с Западного фронта для рекогносцировки Финского побережья я ничего точного показать не могу. Вероятно, у меня спросили разрешения послать, я и послал. Нужно сказать, что в это время мною было приказано всеми мерами усилить оборону Ревельского района, рекогносцировать дороги, наметить позиции, предполагалось послать туда офицеров.

Георгиевские кавалеры вызывались с фронта потому, что мною было приказано заменить ими в Георгиевском батальоне раненых и тех, кто был скомпрометирован принятием денег во время выборов.

23-го вечером, при обсуждении вопроса о выделении г. Петрограда, я помню, что меня в мысли о невозможности выделения Петрограда поддержал Барановский, но в каких именно выражениях — не помню.

Разговаривая с Савинковым о тех мероприятиях, которые должны быть приняты в случае выступления большевиков, я ни минуты не сомневался, что Савинков говорит со мною по поручению Временного правительства, в частности министра-председателя, что Савинков и подтверждал в разговоре со мною по прямому проводу 27 августа.

Когда 24 августа, часов в 11, ко мне пришел Львов, то он сразу сказал, что он явился от Керенского с поручением. На мой вопрос, в чем дело, он сказал, что А.Ф. Керенский просит меня высказать мое мнение о положении страны и желает знать, что, при создавшемся положении не следует ли ему уйти от власти; если же он может рассчитывать на мою поддержку, то он останется. При этом Львов мне сказал, что он однажды уже был посредником при организации власти Керенским. Содержание моего ответа Львову изложено в моем первом показании, и из него видно, что я Временному правительству ни-

каких ультиматумов не предъявлял, а лишь высказывал мое мнение на поставленные вопросы Львовым от имени Керенского.

Генерал Крымов двигался к Петрограду в качестве командира Конного корпуса, будучи осведомлен, что в случае формирования Петроградской армии, о чем шли сношения, он предназначается командующим ею. Савинков просил меня не присылать к Петрограду генерала Крымова и Туземной дивизии. Категорического обещания я ему не давал, я сказал «попробую».

Прочитано.
Генерал Корнилов».

...По делу о «корниловском мятеже» проводились аресты не только в могилевской Ставке, но и на фронтах. Прежде всего на Юго-Западном фронте, главнокомандующим армиями которого был «идейный корниловец» генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Его министр-председатель А.Ф. Керенский опасался особо, больше других глав фронтов.

Деникин и начальник фронтового штаба генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков (бывший начальник штаба деникинской 4-й «Железной» стрелковой дивизии) в Бердичеве были арестованы первыми. В своих мемуарах «Очерки русской смуты» Антон Иванович Деникин вспоминал о тех днях нахождения под стражей:

«В тюрьму, кроме меня и Маркова,... были заключены следующие лица:

- ...3) командующий Особой армией генерал от инфантерии Эрдели;
- 4) командующий 1-й армией генерал-лейтенант Ванновский;
- 5) командующий 7-й армией генерал-лейтенант Селивачев;
- 6) главный начальник снабжения Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Эльснер.

Виновность перечисленных лиц заключалась в высказанной ими солидарности с моей телеграммой № 145, а последнего, кроме того, в выполнении моих приказаний об изолировании фронтового района в отношении Киева и Житомира;

7,8) помощники генерала Эльснера генералы Павский и Сергиевский — лица, уже абсолютно не имевшие никакого отношения к событиям;

9) генерал-квартирмейстер штаба фронта генерал-майор Орлов — израненный, сухорукий — человек робкий и только исполнявший в точности приказание начальника штаба;

10) поручик чешских войск Клецандо, ранивший 28 августа солдата на Лысой горе;

11) штабс-ротмистр князь Кропоткин — старик свыше 60 лет, доброволец, комендант поезда главнокомандующего. Совершенно не был посвящен в события. В случайной беседе с одним из наших адъютантов выяснилось, что в его распоряжении имеется дисциплинированная поездная охранная команда, которую и сменили за несколько дней до 27-го на большевистскую охрану дома главнокомандующего. Кроме того, князь Кропоткин говорил всем солдатам «ты», считая, что они ему годятся во внуки. Других преступлений следствие ему не инкриминировало.

Вскоре генералы Селивачев, Павский и Сергиевский были отпущены. Князю Кропоткину объявили об отсутствии состава преступления 6 сентября, но выпустили только 23-го, когда выяснилось, что нас не будут судить в Бердичеве...

В случайно, а может быть умышленно, попавшем в мою камеру единственном номере газеты на второй или третий день ареста я прочел указ Временного правительства правительствующему сенату от 29 августа:

«Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Деникин отчисляется от должности главнокомандующего с преданием суду за мятеж.

Министр-председатель А. Керенский.
Управляющий военным министерством
Б. Савинков».

Такие же указы в тот же день отданы были о генералах Корнилове, Лукомском, Маркове и Кислякове. Позднее состоялся приказ об отчислении генерала Романовского.

На второй или третий день ареста на гауптвахте появилась приступившая к опросу следственная комиссия под наблюдением

нием главного полевого прокурора фронта генерала Батога, под председательством помощника комиссара Кислицына и в составе членов:

Заведующего юридической частью комиссариата подполковника Шестоперова;

Члена Киевского военно-окружного суда подполковника Франка;

Членов фронтового комитета прапорщика Удальцова и младшего фейерверкера Левенберга.

Мое показание в силу фактических обстоятельств дела было совершенно кратко и сводилось к следующим положениям:

1) все лица, арестованные вместе со мною, ни в каких активных действиях против правительства не участвовали;

2) все распоряжения, отдававшиеся по штабу в последние дни в связи с выступлением генерала Корнилова, исходили от меня;

3) я считал и считаю сейчас, что деятельность Временного правительства преступна и гибельна для России...

Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытными: женщины машут платками. Слышатся сверху гортанные голоса:

— Да здравствует свобода!

Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море — бушующем, ревущем. С огромным трудом нас провели сквозь него, под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон...

Ждем час, другой. Поезд не пускают — потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицина слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом, — какие пустяки! Переходим в него без помоста; несчастного Орлова с трудом подсаживают в вагон; сотни рук сквозь плотную и стройную юнкерскую цепь тянутся к нам... Уже десять часов вечера... Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся...»

От самосуда толпы деморализованных солдат местного гарнизона генерала Деникина и других арестованных в Бердиче-

ве спасли юнкера Житомирской школы прапорщиков. Они были вызваны в штаб фронта для несения караулов в городе, и им пришлось обеспечивать провод арестованных «корниловцев» из тюрьмы на железнодорожный вокзал. Других дисциплинированных воинских подразделений в бердичевском гарнизоне на те дни уже не имелось.

Когда Чрезвычайная следственная комиссия деятельно приступила к своей работе, Лавр Георгиевич и его сподвижники, арестованные в Ставке, были переведены из-под домашнего ареста в гостиницу «Метрополь». Там арестованные содержались под усиленным — двойным (внутренним и внешним) — караулом из состава Георгиевского пехотного батальона.

Первые письменные корниловские показания через четыре дня были напечатаны в газете «Общее дело». Так россияне познакомились с «Объяснительной запиской генерала Корнилова». Публикация увидела свет благодаря помощи сына генерала от кавалерии В.М. Остроградского, умелого организатора рейдов конницы по вражеским тылам, погибшего в бою у озера Нарочь в 1916 году.

Уже 5 сентября Чрезвычайная следственная комиссия заканчивает доклад по «делу генерала Корнилова». Действия бывшего Верховного главнокомандующего расцениваются как насильственное посягательство на изменение в России или какой-либо ее части установленного основными государственными законами образа правления. Высшая мера наказания в этом особо опасном преступлении — бессрочная каторга.

Чрезвычайная следственная комиссия главного военно-морского прокурора Н.М. Шабловского представила доклад по делу генерала Корнилова на правительственное рассмотрение. В нем говорилось:

«Постановлением Временного правительства генерал Корнилов предан суду за мятеж. Принимая во внимание, что в уголовных законах отсутствует юридическое определение мятежа, комиссия обсудила вопрос о возможности предания генерала Корнилова военно-революционному суду. Согласно постановлению Временного правительства генерал Корнилов мог бы быть предан этому суду лишь в случае предъявления ему обвинений в военной или государственной измене или в организации восстания.

Обвинение в государственной измене могло бы иметь место лишь при наличии у генерала Корнилова намерения способствовать или благоприятствовать неприятелю в его военных или враждебных против России действиях или при допущении им таких деяний, которые могли бы способствовать неприятелю в его военных операциях. В добытом комиссией материале данных, изобличающих генерала Корнилова в намерении способствовать неприятелю, совершенно не имеется. Напротив, из обзора всех его распоряжений, относящихся к соответствующему периоду времени, и его объяснений следует, что все его действия имели своей целью успешную борьбу с неприятелем.

Что касается обвинения генерала Корнилова в измене при наличии эвентуального умысла, то комиссия полагает, что такое могло бы иметь место при условии фактического ослабления им фронта взятием с него войск для внутренней борьбы в Петрограде и оставления им армий без оперативного руководства в последних числах августа.

При исследовании этого вопроса оказалось: для направления на Петроград были предназначены 3-й Конный корпус и Курляндский уланский полк; гарнизон Могилева был усилен Корниловским ударным полком и двумя Польскими легионами. Из имеющихся в деле официальных документов видно, что 3-й Конный корпус был двинут к Петрограду по требованию Временного правительства; Корниловский ударный полк был взят не с фронта, а с тыла из Проскурова во время его укомплектования; Польские легионы также взяты с тыла, а уланский полк, по имеющимся сведениям, посылался по указанию управляющего делами военного министерства Савинкова.

Что же касается вопроса об оставлении армий без оперативного руководства, то такое руководство продолжалось непрерывно, за исключением Румынского фронта, который 30 августа сам прервал связь со Ставкой по распоряжению военно-революционного комитета этого фронта. Таким образом, для обвинения генерала Корнилова в измене не имеется данных.

Вторым основанием для предания генерала Корнилова военно-революционному суду могло бы быть обвинение его в явном восстании...

Как видно из положения 110-й статьи в Воинском уставе о наказаниях, находящейся в главе о нарушении воинского чинопочитания и подчиненности — статьей этой предусматриваются нарушения, направленные против воинской дисциплины. Хотя, согласно 20-й статье Положения о полевом управлении войск в военное время, Верховный главнокомандующий и находится в исключительном и непосредственном подчинении Временному правительству, однако комиссия полагает, что это подчинение является только политическим, и дисциплинарных отношений — в смысле воинском — между ними не существует. Такой взгляд подтверждается и самим наименованием «Верховный главнокомандующий».

Таким образом, действия бывшего Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, направленные на изменение существующего государственного строя в России и на смещение органов Верховной государственной власти, должны быть квалифицированы не по 108-й статье Уголовного положения. Речь идет о насильственном посягательстве на изменение в России или какой-либо ее части установленного основными государственными законами образа правления. Высшая мера наказания в этом преступлении — бессрочная каторга.

...Ввиду изложенного и на точном основании закона от 12 июля 1917 года об учреждении военно-революционных судов дело о генерале Корнилове военно-революционному суду не подсудно. Не подсудно оно и военно-окружному или корпусному суду ввиду того, что город Могилев не находится в войсковом районе театра военных действий, а подлежит на общем основании направлению в суд гражданского ведомства после производства предварительного следствия...»

Генерал Корнилов, находясь под стражей, не терял присутствия духа. Он и его соратники, находившиеся под арестом в гостинице «Метрополь», почти неограниченно имели связи с внешним миром. На квартире адъютанта генерала Корнилова — ротмистра-текинца Хана Хаджиева — была организована «почтовая станция»: отсюда расходились письма и сюда же стекались ответные письма, газеты, посылки.

Главными адресатами генерала Корнилова и его ближайших помощников являлись три города страны. В столице области Войска Донского находился атаман генерал Алексей Макси-

мович Каледин, который открыто объявил себя противником Временного правительства. В Новочеркасск еще до своего ареста Корнилов отправил своего адъютанта Завойко (он был арестован по дороге и препровожден на Петроградскую гарнизонную гауптвахту) и младшего брата — штабс-ротмистра Петра Корнилова. В Петрограде контакты поддерживались с «Совещанием общественных организаций» и только что созданной «Алексеевской военной организацией». Когда узников уберут из Могилева, переписка будет вестись со Ставкой, в которой продолжало служить немало офицеров-корниловцев.

Между тем пребывание арестованных в Могилеве стало серьезно тревожить Временное правительство. В городе продолжал находиться Корниловский ударный полк. Ежедневно, возвращаясь с занятий в поле, ударники-корниловцы проходили маршем перед гостиницей «Метрополь» и дружными криками «ура!» приветствовали Лавра Георгиевича, стоявшего у окна. Продолжал нести охранную службу в Ставке и Текинский конный полк.

И в Зимнем дворце, и в кабинетах Ставки, где пребывали правительственные комиссары, было ясно, что если мятежный генерал захочет уйти, то это он сможет сделать когда захочет. И сможет даже посадить в гостиничный «тюремный» номер вместо себя прибывшего в Ставку министра-председателя А.Ф. Керенского, нового Верховного главнокомандующего. Чтобы снять опасность, было решено перевести арестованных в другое место.

Одновременно Керенским принимается решение «расчислить» неблагонадежный для правительства могилевский гарнизон. Корниловский ударный полк отправляют на Юго-Западный фронт. Текинский конный полк пока не тронули, поскольку один Георгиевский пехотный батальон справиться с гарнизонными караулами не мог.

В ночь на 12 сентября арестованных перевезли по железной дороге в город Быхов (Старый Быхов), находившийся в 50 километрах к югу от Могилева. Тюрьмой им стало здание городской женской гимназии, размещавшейся в бывшем католическом монастыре.

Для охраны арестованных из Могилева в Быхов была переведена часть Текинского конного полка (три сотни и пу-

леметная команда) и караул в 50 человек от Георгиевского пехотного батальона. Георгиевцами сперва командовал капитан Тарасевич, затем его сменил прапорщик Гришин. Текинцы (их полусотня размещалась в самом здании гимназии) несли внутреннюю охрану. От георгиевцев было выставлено пять караульных постов вокруг здания. Комендантом быховской тюрьмы был назначен полковник Текинского полка Григорьев, затем его сменил того же полка подполковник Эргардт.

Отношения между лично преданными Корнилову текинцами и солдатами-георгиевцами, стоявшими за Временное правительство, были враждебные. Дело доходило до того, что собрание караульных солдат-пехотинцев три раза обращалось к коменданту тюрьмы с заявлением, чтобы или их, или текинцев убрали из Быхова. Но комендант каждый раз отвечал, что это дело Чрезвычайной следственной комиссии.

Примерно через две недели, 28 сентября, в Быхов были доставлены из Бердичева еще семь подследственных, в том числе генералы Деникин, Марков, Эрдели, Ванновский. Антон Иванович Деникин вспоминал в своих мемуарах:

«Бердичевская группа арестованных ехала беспрепятственно в Старый Быхов...

Явился к Верховному:

— Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? — говорил, обнимая меня Корнилов.

— Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Мы уплотнили население Быховской тюрьмы...»

Теперь список арестованных по делу о «корниловском мятеже», содержащихся в специально созданной по такому случаю Быховской тюрьме, был полон. Он содержал в себе фамилии 25 человек:

«*Чины Ставки, арестованные в Могилеве*»

1. Генерал от инфантерии Корнилов Лавр Георгиевич. Верховный главнокомандующий.

2. Генерал-лейтенант Лукомский Александр Сергеевич. Начальник штаба Верховного главнокомандующего.

3. Генерал-майор Романовский Иван Павлович. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего.

4. Генерал-майор Кисляков Владимир Николаевич. Помощник министра путей сообщения.

5. Капитан Брагин Александр Павлович. Заведующий типографией штаба Верховного главнокомандующего.

6. Без воинского звания. Аладьин Алексей Федорович. Член 1-й Государственной думы.

Главный комитет Союза офицеров армии и флота

7. Генерального штаба подполковник Пронин Василий Михайлович. Штаб-офицер управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. Товарищ председателя главного комитета.

8. Подполковник Аракелов Г. М. Член главного комитета.

9. Подполковник Аловский Д. М. 110-го пехотного полка. Член главного комитета.

10. Генерального штаба подполковник Соотс Иван Генрихович. Штаба IX армии. Член главного комитета.

11. Подполковник Гринцевич Иван Иванович. Член главного комитета.

12. Есаул Родионов Иван Александрович. Штаба Юго-Западного фронта. Член главного комитета.

13. Генерального штаба капитан Ряснянский Сергей Николаевич. Штаба IX армии. Член главного комитета.

14. Генерального штаба капитан Роженок Владимир Ефремович. Штаба V армии. Секретарь главного комитета.

15. Штабс-капитан Андерсен Н.Х. Член главного комитета.

16. Штабс-капитан Чунихин Георгий Львович. Член главного комитета.

17. Прапорщик Никитин Сергей Федорович. 6-го запасного Саперного батальона. Член главного комитета.

18. Прапорщик Иванов Александр Владимирович. Штаба Верховного главнокомандующего. Секретарь главного комитета.

Арестован за агитацию:

19. Корнет Сабоцкий.

Чины штаба Юго-Западного фронта, арестованные в городе Бердичеве:

20. генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

21. Генерал-майор Марков Сергей Леонидович. Начальник штаба Юго-Западного фронта.

22. Генерал-майор Орлов Михаил Иванович. Генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта.

23. Генерал-лейтенант Эльснер Евгений Феликсович. Главный начальник снабжений Юго-Западного фронта.

24. Поручик Клецанда Владимир Войцехович. Переводчик при штабе Юго-Западного фронта.

25. Военный чиновник Будилович Борис Антонович. Переводчик в разведывательном отделении штаба Юго-Западного фронта...»

Официально арестованным и в Могилеве, и в Быхове запрещалось общаться с кем-либо со стороны. Но, фактически, к ним допускали всех желающих, и Корнилов находился в курсе всех событий в стране (особенно на Дону), столице и на фронте. В конце октября из Петрограда ему доставили около 40 тысяч рублей на «удовлетворение важнейших нужд». Лукомский вспоминал о тех днях:

«...Мы были в курсе всего того, что происходит, и вели переписку с нужными для нас лицами. Штаб верховного главнокомандующего также осведомлял нас по всем интересующим нас вопросам».

Единомышленники Лавра Георгиевича, называвшие себя потом «быховскими узниками», не сидели в тюрьме сложа руки, тем более что они имели полную свободу для общения друг с другом. А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» писал:

«Между тем в Быхове слагался определенный взгляд на характер дальнейшей деятельности.

Вскоре после прибытия бердичевской группы на общем собрании заключенных поставлен был вопрос:

— Продолжать или считать дело оконченным?

Все единогласно признали необходимым «продолжать». Загорелся спор о формах дальнейшей борьбы. По инициативе,

кажется, Аладьина нашлось немало защитников создания «корниловской политической партии». Я решительно протестовал против такой своеобразной постановки вопроса, так не соответствовавшей ни времени и месту, ни характеру корниловского движения, ни нашему профессиональному призванию...

В результате работы небольшой комиссии при моем участии появилась утвержденная Корниловым так называемая корниловская программа:

«1. Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, впредь до Учредительного собрания.

2. Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3. Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.

4. Создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5. Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивной работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6. Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания».

Так как технически было неудобно опубликовать «программу Быхова», то в печати она появилась недатированной, под видом программы прошлого выступления...

Куда уходить в случае нужды?

Только на Дон. Вера в казачество была сильна по-прежнему. Совет казачьих войск, находившийся в постоянных сношениях с Быховым, гальванизировал эту веру, добросовестно заблуждаясь и не чувствуя, что он, как и вся казачья старшина, оторваны от казачьей массы и давно уже не держат в своих руках ее реальные силы — войска...»

Впрочем, у Лавра Георгиевича была и другая мысль. Он не раз высказывал ее в Быхове: уйти следовало не на Дон, а в Сибирь или Туркестан. И там создать базы Белого движения для борьбы с большевиками. Но в конце концов Корнилов от этой мысли отказался и тоже высказался за тихий и вольный Дон.

Между тем и в Быхове с его железнодорожной станцией корниловцам, находившимся вроде бы под надежной охраной, угрожал самосуд со стороны солдат окончательно разложившихся воинских частей. Об этом А.И. Деникин писал следующее:

«Неоднократно проходившие через станцию Быхов солдатские эшелоны проявляли намерение расправиться с арестованными. Были случаи высадки и движения в город... Угроза самосуда все время висела над быховцами».

От самосуда заключенных Быховской тюрьмы спасала размещенная в городе 1-я пехотная дивизия 25-тысячного Польского корпуса русской армии, формирование которого началось по решению Временного правительства в августе 1917 года. Корпусной командир генерал-лейтенант Иосиф (Юзеф) Романович Довбор-Мусницкий приказал защищать арестованных, «хотя бы посредством вступления в бой».

Довбор-Мусницкий относился к числу сторонников генерала Корнилова. Участник русско-японской войны, он начал Первую мировую войну в должности командира 14-го Сибирского стрелкового полка. Став Георгиевским кавалером, командовал пехотными дивизиями. После Февральской революции получил в командование 38-й армейский корпус. Затем Главный польский военный исполком назначил его комиссаром для Петроградского военного округа. Отказался подчинить корпус (три пехотные дивизии) советской власти. Был объявлен мятежником. После этого Довбор-Мусницкий воевал против Красной армии, занимая в конце 1918 — начале 1919 годов пост главнокомандующего польской армии. Проиграв в конфликте с Пилсудским, генерал брони в 1920 году был вынужден выйти в отставку.

25 октября Временное правительство было свергнуто. Обезглавив армию, А.Ф. Керенский, сам желавший стать диктатором, лишился вооруженной поддержки. В день его устрани-

ния от руля государственной власти на защиту Зимнего дворца встали лишь столичные юнкера не всех училищ и женский батальон «смерти». Да и то в самом малом числе. Когда на «исторический» штурм Зимнего дворца пошли тысячи и тысячи красногвардейцев, балтийских моряков и солдат столичного гарнизона, сопротивления они почти никакого не встретили. Министр-председатель бежал из столицы на автомобиле американского посольства.

По иронии судьбы, Керенский нашел защиту только в лице все того же 3-конного корпуса, которым теперь командовал генерал-лейтенант Петр Николаевич Краснов. Когда он начал поход на красный Питер, там произошло слабо подготовленное выступление юнкеров, которое было сразу же подавлено революционными войсками. В Петрограде создали единый штаб обороны города от сил Керенского — Краснова. Его председателем стал левый эсер Муравьев, помощником — Антонов-Овсеенко, начальником штаба — полковник Вальден, комиссаром штаба — большевик Еремеев.

Было мобилизовано 20 тысяч человек на рытье окопов. К 30 октября в районе Пулковских высот было сосредоточено около 10 тысяч революционных войск. Генерал Краснов повел на штурм российской столицы около 1500 человек: 9 казачьих сотен при 18 орудиях и одном бронепоезде.

В бою под Пулковом «красновская рать» была разбита превосходящими силами противника и отступила в Гатчину. На этом, собственно говоря, и закончился для отечественной истории «мятеж Керенского — Краснова». В том походе у главы свергнутого Временного правительства был один неприятный эпизод. В городе Луге он решил поздороваться с сотником Карташевым, протянув ему свою руку. Но тот, вытянувшись во фронт, ответил:

— Господин Верховный главнокомандующий, я не могу подать Вам руки, я — корниловец...

После ареста генерала Краснова Керенский сумел избежать подобной же участи, которая лично для него ничего хорошего не обещала. Он вновь бежал, но теперь не из столицы, а от нее. Бежал на российский Юг, на Дон...

После Октябрьского переворота глава Чрезвычайной следственной комиссии морской прокурор И.С. Шабловский, явно

не симпатизирующий большевикам, стал выпускать арестованных на свободу целыми группами. К середине ноября в Быховской тюрьме осталось всего пять человек из числа главных участников августовского путча — генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, Деникин и Марков. Посовещавшись, «быховские узники» решили различными путями пробиваться на Дон, к атаману Каледину.

Теперь многое зависело от генерал-лейтенанта Николая Николаевича Духонина, нового начальника штаба Ставки, сменившего в середине сентября на этом посту генерала М.В. Алексеева, отказавшегося от занимаемой должности. После бегства Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского во время октябрьских событий Духонин принял на себя временное исполнение обязанностей главы Ставки.

В ночь на 9 ноября председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин вместе с И.В. Сталиным и прапорщиком Н.В. Крыленко (вступил в партию большевиков в ноябре 1917 года) по прямому проводу из Петрограда потребовали от Духонина немедленно прекратить боевые действия на фронте и начать с немцами переговоры о мире. Временно исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего категорически отказался исполнить такое приказание. Он отрицал за Совнаркомом право представлять центральную правительственную власть.

В тот же день генерал-лейтенант Н.Н. Духонин был смещен с поста и заменен прапорщиком Крыленко. Ленин лично продиктовал следующий приказ:

«Именем правительства Российской Республики, по поручению Совета народных комиссаров мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства... Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко».

В дополнение к этой срочной телеграмме в Ставку было сказано, что до прибытия Крыленко в Могилев генерал Духонин обязан был «по законам военного времени продолжать ведение дела».

Собственно говоря, «продолжать ведение дела» войны Ставке уже не приходилось. Совет народных комиссаров во главе с Лениным стал воплощать в жизнь «Декрет о мире». 13 нояб-

ря на позициях 19-го армейского корпуса Западного фронта из русских окопов в сопровождении трубача с развевающимся белым флагом к германским окопам двинулись три советских парламентаря. Это были член комитета 5-й армии поручик Шнеур, военный врач Сагалович и вольноопределяющийся Мерен. Они имели при себе официальные полномочия народного комиссара по военным делам и Верховного главнокомандующего на ведение переговоров об установлении перемирия на Восточном (или Русском) фронте.

Через сутки парламентары вернулись к своим. Немецкая сторона предлагала начать сепаратные мирные переговоры 19 ноября в Ставке своего верховного главнокомандования, которая находилась в городе Брест-Литовске.

Последний Верховный главнокомандующий России в Первой мировой войне прапорщик Николай Васильевич Крыленко, который в 1938 году, будучи наркомом юстиции СССР, станет жертвой сталинских репрессий, тут же отдал приказ о прекращении огня на всех фронтах. В приказе среди прочего говорилось:

«Всякого, кто будет срывать или противодействовать распространению этого приказа, предаю революционному суду местных полковых комитетов вне обычных формальностей...»

В той ситуации судьба «быховских узников» зависела прежде всего лично от генерала Духонина. Дело было в том, что по инициативе казачьего совета атаман Каледин просил отпустить арестантов на поруки Донского войска, предоставив для их пребывания станицу Каменскую. Ставка колебалась, но наконец Духонин 18 ноября решил отправить всех пятерых генералов специальным поездом в Новочеркасск под охраной эскадрона текинцев и полуроты пехотинцев-георгиевцев.

Однако он в тот же день отменил это распоряжение. Ему стало известно, что назначенный Верховным главнокомандующим большевик прапорщик Крыленко с эшелонном революционных балтийских моряков, отрядом резервного гвардейского Литовского полка и разведчиками выехал из Петрограда в Могилев для занятия Ставки. Информация об этом для Духонина оказалась запоздалой.

В город по своей инициативе с фронта прибыло шесть ударных батальонов, силой почти в 2,5 тысячи отборных бойцов,

готовых защищать Ставку от сил большевиков. Но Духонин отказал в этом ударникам-смертникам, заявив полковнику Бахтину, командиру 1-го Ударного полка подполковнику Мананину и командиру Сводного ударного отряда полковнику Янкевскому:

— Я приказываю вашим батальонам сегодня же покинуть Могилев. Я не хочу братоубийственной войны. Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона...

Деникин в своих мемуарах «Борьба генерала Корнилова» так описал последние часы пребывания последних «быховских узников» в женской гимназии, превращенной в тюрьму для корниловцев:

«...Утром 19-го в тюрьму явился полковник Генерального штаба Кусонский и доложил генералу Корнилову:

— Через четыре часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов.

Генерал Корнилов пригласил коменданта, подполковника Текинского полка Эргардта, и сказал ему:

— Немедленно освободите генералов. Текинцам изготовиться к выступлению к двенадцати часам ночи. Я иду с полком...»

Первыми уехали из Быхова генералы Марков, Романовский, Деникин и Лукомский. Все они переоделись на квартире коменданта тюрьмы подполковника Эрхардта, получив там фальшивые документы, изготовленные в штабе Польского корпуса. Лукомский превратился в «немецкого колониста». Марков стал солдатом, уволенным со службы и едущим домой. Романовский сменил генеральские погоны на прапорщические. Деникин получил документы на имя поляка, начальника перевязочного пункта А. Домбровского. Путь все четверых лежал на Дон.

В Быхове остался только один Корнилов. В первом часу ночи на 20 ноября генерал пришел в караульное помещение солдат Георгиевского пехотного батальона, несших внешнюю охрану быховской тюрьмы. Офицеры караула капитан Попов

и прапорщик Гришин перед этим объявили подчиненным, что по решению Чрезвычайной следственной комиссии последние арестованные освобождаются. Корнилов был в папахе и одет по-походному. Он тепло попрощался с георгиевскими кавалерами, выдав им за службу «наградных» две тысячи рублей.

Текинский конный полк в составе 1-го, 2-го и 3-го эскадронов, пулеметной команды под командованием полковника Кюгельгена уже находился в готовности к выступлению. Лавр Георгиевич привычно вскочил на коня, снял папаху, перекрестился и, дав знак рукой к движению, взял направление на юг. Текинский полк ушел за ним из Быхова, не скрываясь, обычным походным порядком, со своим обозом. Всего походная колонна состояла из 24 офицеров (в том числе присоединившийся к текинцам георгиевец прапорщик Гришин) и 400 всадников.

Уже на следующий день кавалер трех боевых георгиевских наград генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин, встречавший на могилевском вокзале нового Верховного главнокомандующего прапорщика Крыленко, был буквально растерзан толпой матросов и солдат из прибывшего эшелона. Он был убит ударом штыка в спину балтийцем в вагоне Крыленко и оттуда был уже бездыханным выброшен под ноги толпе, которая набросилась на него со свирепостью голодной волчьей стаи. Вне всякого сомнения, такая же участь ожидала и всех «быховских узников»...

Текинскому полку, если считать по прямой от Быхова до Новочеркасска, предстояло пройти около 900 километров. К столь долгому походу, да еще в зимнюю пору, полк был не подготовлен. В первые семь дней было пройдено в юго-восточном направлении, 180 километров, в действительности же — гораздо больше, потому что за неимением карт корниловцы часто сбивались с верного пути и блуждали. От такого походного движения, при наступивших сильных морозах, в гололедицу на дорогах, без дневок и при плохо организованном снабжении, люди и лошади были совершенно измучены. К тому же русские обозники при первом же переходе бежали.

Узнав о бегстве генерала Корнилова во главе Текинского конного полка, Верховный главнокомандующий прапорщик Крыленко потребовал от всех телеграфных станций района,

примыкавшего к Быхову, сообщить в Ставку о движении конной части. Совет народных комиссаров в Петрограде прекрасно понимал, что нельзя было пропускать несостоявшегося военного диктатора в казачьи области Юга России.

Крыленко и совнарком беспокоило и то, что ушедшие из Ставки ударные батальоны тоже двинулись в сторону Дона. Первый бой красным войскам они дали под городом Жлобыным, после чего пошли на юго-запад, преследуемые большими силами красногвардейцев. Близ города Белгорода в начале декабря ударники, потрепанные в нескольких боях, рассеялись, перестав существовать как воинские части.

На седьмой походный день, 26 ноября, в день георгиевского праздника беглецы вышли к линии Московско-Брестской железной дороги у станции Унеча севернее города Стародуба Черниговской губернии. Имея местного крестьянина-проводника, текинцы в лесу у села Писаревка нарвались на засаду, которая встретила их ружейными залпами. При переходе через железнодорожное полотно близ станции Песчанка полк попал под сильный пулеметный и пушечный огонь красногвардейского бронепоезда и понес большие потери. Текинский полк рассеялся и с трудом был собран, под Корниловым убитая лошадь».

После переправы через реку Сейм конный полк попал в не совсем замерзшее болото. Мороз держался крепкий, а всадники-туркмены были плохо одеты. С трудом добывалось продовольствие, фураж для коней, у которых посбивались подковы. Местное население неизвестную «иноземную» кавалерийскую часть встречало настороженно.

Корнилов, полагая, что текинцам будет безопаснее идти одним, без него, оставил свой преданный полк. Большая часть полка двинулась через Трубчевск на Киев. С генералом осталась небольшая группа из 11 офицеров и 32 всадников. В селе Погары Лавр Георгиевич простился и с ними, приказав им догонять свой полк.

Местный житель И. Манжа доставил Корнилова, переодетшегося в крестьянскую одежду, с паспортом на имя беженца из Румынии Лариона Иванова, на станцию Холмечи, где тот сел на поезд, отправлявшийся через город Конотоп в южном направлении, на Новочеркасск. Лавр Георгиевич отправился

на Дон один. Спустя неделю после немалых дорожных трудностей он оказался в столице Донского казачьего войска.

Что же стало с Текинским конным полком? Обе его части соединились в Погарах. Устроив там постой, чтобы дать лошадям необходимый отдых, текинцы затем перебрались в город Новгород-Северский. До Киева дошла только часть полка, но большая. Там она вскоре была расформирована и «после долгих мытарств отправлена в Ахал», то есть на родину, в южную Туркмению. Другая, меньшая часть полка оказалась плененной и была отправлена в Брянск. В годы Гражданской войны только единицы текинцев служили впоследствии в рядах белой Добровольческой армии. Там они вновь стали телохранителями, Лавра Георгиевича.

Так Текинский конный полк, отличившийся в Первой мировой войне в боях на полях Галиции, прекратил свое существование в рядах старой русской армии. Но больше он известен в истории как преторианская гвардия несостоявшегося военного диктатора генерала Л.Г. Корнилова.

«Исход» Текинского конного полка из Быхова в истории Белого движения стал легендой. Два корниловца-поэта, «быховских узника», посвятили походу текинцев под командой любимого ими генерала Корнилова свои стихи. Одним из авторов был капитан Александр Брагин:

Слава вам, текинские джигиты,
Вы России гордость сберегли.
Подвиг ваш отныне знаменитый
Вспомнит летопись родной земли.

Вторым быховским поэтом оказался Борис Будилович, переводчик из разведывательного отделения деникинского штаба Юго-Западного фронта. Он писал:

Он (Текинский полк. — А.Ш.)
от врагов коварной мести
Вождя Корнилова спасал,
Поход тяжелый совершал,
Готовый смерть принять на месте ..
И он погиб в борьбе кровавой,
Свой до конца исполнив долг...